

8 сентября 1991 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

В КРЕМЛЕ СПОРЯТ, У КРЕМЛЯ ЖДУТ

261-й НОМЕР «МН» БЫЛ ПОДПИСАН ИМ. ЭТО ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЕГОРА

Именно опыт общения с этим человеком — даже не очень долгий, а тем более многолетний — может привести к убеждению: та, развалившаяся жизнь безошибочно выбраковывала лучшие экземпляры. Егор Яковлев трижды становился начальником благодаря честным и энергичным попыткам улучшить систему. Трижды его вычеркивали из номенклатуры за то, что попытки были слишком талантливы.

Есть такая байка про гениального советского редактора: он безошибочно находил в материале лучшую строчку и вычеркивал ее. Егор был лучшей строчкой советской журналистики, когда другой в нашей стране еще не было. В четвертый раз он стал начальником в редакции, которая первой начала переход из «агитаторов, пропагандистов и организаторов» в средства массовой информации. И он провел «Московские новости» за пять лет по этому пути, превратив агитационно-рекламное издание под девизом «Добро пожаловать в советский рай!» в символ гласности — свободы печати по-советски.

Как внутри тоталитарного чудовища появляется Егор Яковлев?

Вопрос из разряда пока неразрешимых, вроде того, как из неорганического мира может возникнуть живая жизнь. Из тех же тоталитарных мертвых молекул собирается нечто совершенно противоположное — и начинает двигаться, дергаться, разрывая, ломая окружающий монолит.

Многие из нас, большинство, были инакомыслящими. Он был инакодействующим.

При этом продолжало сказываться, из каких молекул был сложен. Тоталитарная первооснова, преобразованная талантом, облагородилась до уровня авторитарности. Вероятно, только такой организм и мог противостоять власти. Разрушить стену может только таран — предмет тоже достаточно твердый.

Мы, те, кто прилетел на огонь этого таланта в «МН», чувствовали эту твердость каждый день. И мирились с ней, потому что нет ничего привлекательнее для нормальных людей, чем талант. Кстати, и он сам умеет высоко и бескорыстно ценить чужой дар. Стоит ли удивляться, что от него не хотелось уходить в поисках чего-нибудь более мягкого?

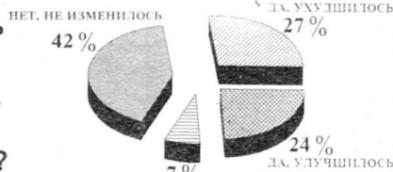
Потом брешь была пробита, и в нее хлынули новые люди. Они уже изначально были другие, и, вероятно, им кажется, что они родились свободными. На самом деле они стали свободными под грохот проламываемой стены — под этот шумок легко формируется новая психология.

Сегодня «МН» публикуют разговор Егора с Владимиром Яковлевым — одним из заметнейших людей следующей волны. Но что примечательно — сын тоже делает газету, а отец газету уже сделал и принял за новую прессу — электронную. С Богом — на новую стену!

ЭКСПРЕСС-ОПРОС «МН»

АВТОРИТЕТ ПРЕЗИДЕНТА

Изменилось ли ваше отношение к Горбачеву после переворота?

С каким из суждений о Президенте СССР вы согласились бы?

Опрос по заказу газеты «Московские новости» проведен 30 августа — 1 сентября в 12 городах России Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) при поддержке фонда «Общественное мнение». Опрошен 1071 человек.

Красная площадь 2 сентября, 14.00

— Фото Андрея АБРАШИТОВА.

СМОЛЕНСК

КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА НАЙДЕТ

Бывший майор КГБ Олег Закиров, участник расследования Катынской трагедии, которое проводили и «МН», сообщил редакции:

— Архивы КГБ Грузии, Армении и Южной Осетии с прошлого года хранятся в Смоленском управлении госбезопасности. Туда они срочно были вывезены после того, как обстановка там стала нестабильной. Видно, Смоленск выбран не случайно. Председатель УКГБ генерал Шиверский много лет старательно и успешно хранил документы, связанные с расстрелом в 1940 году 15 тысяч польских офицеров.

ТАГАНРОГ

ОНИ ГОТОВИЛИ НЕ ТОЛЬКО НАРУЧНИКИ

Как заявил на собрании сторонников движения «Демократическая Россия» депутат горсовета, сопредседатель Таганрогской организации «Демократической России» Владимир Болотин, по имеющимся у него сведениям, Таганрогский филиал фирмы «Агроконверс» за несколько дней до путча пытался разместить на одном из предприятий Таганрога — заводе «Прибой» — заказ на изготовление партии наручников.

Заказ не был принят, так как у предприятия не оказалось нужной марки стали. По словам Болотина, филиал фирмы «Агроконверс» 6 месяцев назад разместил на Таганрогском комбинатом заводе заказ на изготовление спецавтомобилей для перевозки заключенных. Собрание сторонников «Демократической России» транслировалось по городскому радиовещанию. Проверкой сведений, сообщенных Болотиным, в настоящее время занимается городской отдел КГБ и комитет контроля при Таганрогском горсовете.

НЕМЦЫ ПОДДЕРЖАЛИ «МН»

Для запрещенной в Москве в дни путча газеты «Москов-

МИНИ-РЕПОРТАЖ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ОБЩЕСТВО
«МН» — НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ С 1930 ГОДА.

ИЗДАЕТСЯ
НА РУССКОМ,
ЭСТОНСКОМ,
АНГЛИЙСКОМ,
ИСПАНСКОМ,
НЕМЕЦКОМ,
ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКАХ.

Главный редактор
Егор ЯКОВЛЕВ.

В День города, 31 августа, на Манежной площади состоялось праздничное гулянье москвичей.

Фото ТАСС.

МОСКВА

С БАРРИКАД НА КУХНЮ

Продолжается реализация проекта «АПТ-АРТ», организаторами которого с советской стороны являются «МН». Речь идет о возрождении традиций квартирных выставок в узком кругу, за чашкой чая.

Недавно приехавшие из Испании художники (группа Леона: Карлос Кларес, Ольга Афуэра, Соледад Матесанс) невольно попали в центр событий. Выставку пришлось отложить, а ее авторы, не зная языка, провели трое суток на баррикадах с народом России.

И тем не менее, когда путч благополучно провалился, выставка состоялась. На ней была представлена инсталляция «Тантал». Авторам показалось, что муки Тантала — невозможность напиться и съесть пищу, которая находится перед ним, — в какой-то степени отражает ситуацию в России накануне путча. Наверное, они правы.

ЗАХОРОНИТЬ ЛЕНИНА МОЖНО БЕЗ ПРОБЛЕМ

Так считает один из сотрудников лаборатории, которая занимается уходом за телом основателя большевизма.

Этот сотрудник не захотел назвать своей фамилии, однако сообщил, что как только им будет дано указание перенести тело Владимира Ульянова из Мавзолея на кладбище, они сделают это без всяких сложностей.

— Тело Ленина, — сказал он, — может спокойно выдерживать обычную температуру воздуха. Разницы между тем, что в Мавзолее он лежит в саркофаге, а на кладбище будет находиться в гробу, нет. По неподтвержденным данным, вопрос о захоронении Ульянова должен быть вскоре рассмотрен.

В ОДНУ ТЕЛЕГУ ВПРЯЧЬ НЕМОЖНО...

Федерация независимых профсоюзов России подставила плечо приостановленной было «Рабочей три-

ские новости» ее кельнское издание стало одним из каналов, по которому она обращалась к зарубежной общественности. Поступающая из Москвы по телефону и телефаксу информация тут же передавалась десяткам германских радио- и телестанций, информационным агентствам и газетам.

Одновременно шла работа над спецномером «МН». Немецкие издатели предложили расширить его объем и печатать выпуск в цвете, взяв все дополнительные расходы на себя. Работники типографии «Кельнше рундшау» добровольно трудились до глубокой ночи. Спасибо вам, коллеги!

Запишите меня в гвардию

29 августа, Москва, хрущевская пятиэтажка на улице Коштоянца. Крошечная, небогато обставленная — два стола, восемь стульев — квартирка, скорее напоминающая кабинет военкомата. Идет запись в национальную гвардию России. Людей гораздо больше, чем квадратных метров в комнате. Новобранцы.

У выхода из подъезда дома меня атакует «штурмовая группа» жильцов дома: минуту назад эти люди вошли в квартиру, которую снимает союз «Щит», с бескомпромиссным намерением защитить свои семьи от «юнцов, которые второй день тут шастают...»

Пока никто толком не знает, что такое российская национальная гвардия. Точно известно только про бригаду из трех тысяч человек, которая будет подчиняться лично Президенту России. Эти люди, прошедшие жесткий конкурсный отбор, будут служить по контракту в Москве либо в ближнем Подмосковье. Рабочий день — с 10 до 18 часов. Выходные — суббота и воскресенье. Ночевать будут дома. Вече-

рами могут учиться. Зарплата — не менее 600 рублей у рядовых. Президент вправе распорядиться гвардией по своему усмотрению. Она может быть использована на спасательных работах при землетрясениях, в любых нештатных, экстремальных ситуациях, исключая межнациональные конфликты. Это будет законодательно оформлено. Срок контракта — 3, 5, 7 лет.

Предполагается, что, кроме батальона быстрого реагирования президента, в России будут созданы отряды территориальной обороны. В них войдут люди, готовые по первому сигналу российского командования встать под ружье.

Сейчас, по предварительным данным, в национальную гвардию записались 16—17 тысяч человек. Запись идет в «Белого дома», в Моссовете, в других местах.

На улице Коштоянца (юго-запад Москвы) ее ведут два кадровых офицера Советской Армии. Один из них, Вячеслав Соловьев, замполит батальона связи, — один из двух военных, которые в ночь с 20 на 21 августа руководили обороной

баррикад на пересечении Калининского и Садового кольца. Это он приказал закрывать смотровые щели БТРов брезентом и куртками, вел переговоры с солдатами.

— Наш комбриг Семкин знал о ГКЧП еще 18 августа, — сказал Вячеслав Соловьев, — 19-го он перед всем батальоном потирал руки: дескать, разберемся с демократами! До мятежа солдаты звали его Царек, теперь — Непотопляемый. Солдаты, офицеры в бригаде скованы страхом — ими по-прежнему командует генерал, яростно сочувствовавший ГКЧП. Похожая ситуация и в некоторых других армейских подразделениях. Я в такой армии служить не могу. Если возьмут, пойду в национальную гвардию.

Я читал анкеты, которые заполняли добровольцы. Среди них много кадровых офицеров. Танкисты, летчики, разведчики, артиллеристы... Около четырехсот из них держали оборону возле «Белого дома», находясь в это время в отпуске или самовольно оставив расположение своих частей. Едва ли не ка-

буне». С новым соучредителем и старым главным редактором газета берется сделать все, чтобы просветлело лицо нашего человека, в котором она отчетливо различает следы «страданий, забот, волнений».

Осерчав на КПСС, рупором которого «РТ» являлась со времени своего основания, коллектив вручил бразды руководства прежнему редактору А. Юркову. Это косвенное подтверждение верности курсу, которым капитан уверенно вел корабль, руководствуясь известными лозунгами. Анекдотичность ситуации в том, что другая газета ФНРП — «Пролог» придерживается прямо противоположного курса, что еще раз доказала во время путча, выпуская листовки и распространяя по своим каналам объективную информацию. Куда же заедут российские профсоюзы на двух разъезжающихся лыжах?

ИЗ ДВУХ ЗОЛ ВЫБРАЛИ...

Два собрания потребовались редакции «Литературной газеты», чтобы сместить своего главного редактора Федора Бурлацкого.

Официально он ушел сам, сославшись на большую загруженность в Верховном Совете СССР, депутатом которого он является, а также в связи с серьезной работой в Комиссии союзного парламента по правам человека.

На самом деле, как сообщил «МН» один из сотрудников «Литературки», причина была иная. 19 августа Федор Бурлацкий находился в доме отдыха в Крыму. Один из сотрудников газеты позвонил ему и рассказал о перевороте. Однако Бурлацкий в Москву не вернулся. Это возмутило коллектив редакции, и после провала путча он собрался и решил снять Бурлацкого. Сор из избы решили раньше времени не выносить, поэтому и приняли заявление Бурлацкого. По мнению все того же сотрудника «Литературки», газета в свое время согласилась на его кандидатуру только потому, что вместо него мог быть назначен представитель реакционной группы писателей Александр Проханов, нынешний главный редактор газеты «День».

300 СЛОВ

• В 35-м номере «МН» была опубликована информация «Академия молчала, ученые — нет». В ней сообщалось, что многие известные деятели науки были вместе с теми, кто защищал «Белый дом», выступали на митингах, выходили к войскам. К сожалению, в числе тех, кто был упомянут в заметке, не было известного ученого и политического деятеля академика Станислава Шаталина, который с первого дня путча, рискуя жизнью, всю энергию направил на защиту демократии. В редакцию «МН» продолжает поступать информация о подробностях противостояния путчу. Газета еще будет рассказывать о людях, которые не дрогнули в эти трудные дни.

• Неизвестные злоумышленники разбили гигантские изображения орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, установленные на сопке Тигровой — самой высокой точке Владивостока — и являвшиеся как бы символом города.

• Открыт для международной торговли Таганрогский морской порт. В самом скором времени он примет первые иностранные суда.

• В поселке Софрино Пушкинского района Московской области неустановленные преступники проникли в склад готовой продукции художественно-производственного предприятия Московской Г триархии и похитили ювелирные изделия и панаги на сумму около 500 тысяч рублей.

• Наш собственный корреспондент по Латвии, Литве и Эстонии Грант Гукасов выехал в свой регион для вручения правительством Прибалтики документов, подтверждающих его полномочия в этих независимых государствах.

• До последнего времени рублевые наборы открыток с видами Калининграда не пользовались никакой популярностью. И вдруг они исчезли из продажи. Как выяснилось, их скупили подростки. Теперь они продают эти наборы немцам по марке за комплект.

• Скорее всего будет предпринята новая экспедиция по зыскам спрятанной в 1920 году казны Кубанского казачьего войска стоимостью 12,3 миллиона золотых рублей. Председатель районной организации Кубанского анархо-зелено-Казачьего союза Г. Климентьев рассчитывает на ее успех.

• Союз «Щит» объявил запись кандидатов в российскую национальную гвардию. Желающим предлагают прийти на Красную площадь, Рыбный переулок, дом 3, подъезд 1 или позвонить по телефонам: 206-79-29, 298-06-46, 298-74-90, 924-22-73.

«МН» УТОЧНЯЮТ

В 35-м номере «МН» в статье «ЦТ рухнуло. Да здравствует ЦТ?» была опубликована информация о том, что первый заместитель председателя Государственной телерадиовещательной компании Валентин Лазуткин поддержал действия ГКЧП. Это сообщение вызвало резкий протест Валентина Лазуткина, а также ряда сотрудников ЦТ, считающих, что первый заместитель председателя вел себя адекватно той непростой ситуации, в которой оказалось телевидение.

Информация нашего обозревателя была основана на интервью с сотрудниками ЦТ, которые от опубликованного в газете отказались, объясняя это тем, что автор статьи их неверно понял. Профессиональная ошибка обозревателя «МН» состояла в том, что разговор такой остроты не был записан на пленку, а информация не была перепроверена по другим источникам.

Приносим Валентину Лазуткину свои извинения.

В полосе использованы информации **Андрея Гуркова, Геннадия Жаворонкова, Екатерины Колоницкой, Дмитрия Сидорова**, а также информационных агентств «ИНТЕРФАКС», «ПОСТАКТУМ», «СЕВЕР-ЗАПАД», «ЮГ». Подготовил полосу **Александр Мостовщиков**.

Мы и они после путча

Если в самом путче загадок действительно много, то последствия его для наших отношений с зарубежом особого места для загадок не оставляют.

Цивилизованное зарубежье испытывает прилив симпатий к демократам Советского Союза, Ельцину, Горбачеву (пожалуй, именно в таком порядке). Советский Союз, оставшийся бастионом тоталитаризма 70 лет, откровенный тоталитаризм отверг. Нас долготерпели опытом Восточной Европы: почему-то вы не выходите на улицы. Наконец, вышли, хотя и, по совести говоря, очень немногие вышли «на улицу» как в прямом, так и в переносном смысле. В глазах Запада Ельцин развеял сомнения в своей пригодности на роль главы союзных (а не только российских) демократов. Горбачев, предстает в роли невинной жертвы, а затем и праведного мстителя, притупил на время сомнения в своей приверженности демократии. Однако эмоциональная волна симпатий уже по определению (волна) должна скоро схлынуть.

В приливе чувств на Западе заговорили о пересмотре своей сдержанной политики экономического сотрудничества. Однако деньги рождаются из симпатий с той же точно частотой, как дети от поцелуев. Даже если лидеры Запада примут решение об оказании более существенной экономической помощи, бизнес денег не даст. Августовский путч прокричал на весь мир о потрясающей нестабильности режима Горбачева и, если отстрепиться от сладкого головокружения победы, то и слабости демократов. Выяснилось, что если у Горбачева поддержка и есть, то только в демократическом лагере.

Но остальные республики, в общем, свели свою позицию к следующему: это внутреннее дело России. Таким образом, межреспубликанского демократического союза не получи-

лось. То, что Союз дезинтегрировал даже в этом смысле, чрезвычайно важна для зарубежья вещь.

Таким образом, Советский Союз не только нестабилен в высшей степени, но и неспособен в глазах Запада к действительной защите демократии от решительных путчистов. (Оригинальность такой точки зрения — особый вопрос). Однако устроители следующего путча (а было бы наивно предполагать, что он не будет готовиться уже через несколько недель) извлекли для себя полезные уроки. Демократы тоже извлекут, может быть, даже у Горбачева пройдет всегдашняя псевдоблагодарная поза: «Мы тут обменяемся и выработаем консенсус», но путчистам всегда будет легче, чем им.

В этих условиях деловых партнеров, которые торопились бы вложить в Союз деньги, надо искать не на Уолл-стрите, а в психиатрических клиниках.

Да, лидеры Запада могут пойти на волевое решение и декларировать «больше помощи СССР» и даже наскрести кое-что в государственных казначействах. Но настоящие деньги дают не Буш или Коль, а в конечном счете бизнес. И, скорбя всем сердцем о судьбах демократии в СССР, тот же банкир скорбит о деньгах больше: за демократию в СССР он не отвечает, а вот за деньги вкладчиков — в ответе. Правительственная же экономическая помощь будет весьма и весьма ограничена.

Крайне обострится проблема разоружения. Разоружение — это прежде всего доверие. Теперь в умах западных политиков постоянно будет присутствовать следующее соображение: да, разоружаться будем, но надо иметь в виду, что организаторы следующего путча могут плюнуть на международные обязательства в мгновение ока, поэтому разоружение должно быть крайне осторожным и легко обратимым.

В МИРЕ

Константин ПЛЕШАКОВ,
политолог

Далее. Восточноевропейские соседи СССР уже обеспокоены и бдительны. Это понимают на Западе. Во время путча в Америке был проведен опрос: попытается ли новый режим силой вернуть назад Восточную Европу. Большинство ответило утвердительно. Распространит ли реанимированный страх перед советской угрозой — без кавычек — НАТО на Восточную Европу? Заставит ли новые демократии в Восточной Европе искать в сильных державах гарантов своей безопасности? Не навлечет ли все это на них бремя увеличившихся военных расходов?

Есть и еще одна горькая вещь. Запад, хваленый цивилизованный Запад, в первые часы растерялся и, по сути, принял путч за свершившийся переворот. На фоне уклончивых заявлений лидеров ясной и честной нотой прозвучало лишь выступление М. Тэтчер. Другим же поздно теперь поздравлять себя и нас. 19 августа Запада с нами не было.

Отношения с зарубежом надо теперь строить во многом заново. И речь не только о частностях вроде тех, что с Каддафи и Хусейном надо рвать дипломатические отношения (что обязано сделать любое уважающее себя государство). Речь о том, что демократам пора брать внешнеполитические дела в свои руки.

Путь к Союзу труден, но вполне преодолим

Весь этот год мы прожили в напряженном и бескомпромиссном противостоянии союзному центру как оплоту советского империалистического тоталитарного режима. И причина зачалась в том, что, несмотря на некоторую мимикрию, центр сохранял всю свою зловещую сущность, окаменевшую в структурах экономики, формах управления, политических институтах, сущность, которая заключалась в стремлении вопреки воле суверенных республик, вопреки историческому императиву сохранить над этими республиками государство-монстр, государство-монополию, государство-агрессор, государство-диктатор.

Что изменилось сегодня? Какова принципиальная новизна ситуации после зловещих трех дней антиконституционного заговора и нейтрализации путчистов? Некоторые искренние комментаторы утверждают, что заговорщики совершили самоубийственную ошибку: предприняв атаку на демократические преобразования, они своими руками ликвидировали агрессивный тоталитарный союзный центр. Я бы не стал столь облегченно оценивать ситуацию. Пора понять, что устранение взращенных преступной системой отдельных персон без изменения экономических, политических, правовых основ этой системы на деле практически ничего не меняет. Это иллюзия, арестовав Павлова, Лукьянова, Крючкова, Язова и их подельников, закрыв на замок партийные столы, мы тем самым наконец убрали со своего пути блокировавший всякое движение вперед и, казалось, неподъемный камень тоталитарного центра. Союзный центр — это отнюдь не некое географическое, с точным адресом, персонализированное образование, существующее из-за стен Кремля железные щупальца, опутавшие республики. Центр — это сама тоталитарная система, разлившаяся по всему пространству «Страны Советов». И потому за частую упущенно (не всегда, надо сказать, по наивности) понимаемая проблема «суверенные республики — имперский центр», на мой взгляд, должна включать в себя проблему качественного изменения общественного тоталитарного строя в процессе радикальных экономических, политических и духовных реформ.

Три дня путча совершенно ясно показали: границы центра проходят отнюдь не по стенам Кремля или границам России. На самом деле водораздел пролегает между системами ценностей, целей, двумя системами представлений о том, как должна быть организована жизнь людей на огромной территории бывшего СССР. Одна система целей у тех союзных республик, которые были и остаются оплотом коммунистического режима, совершенно другая — у России, объявившей идеологизированную программу реформ и добивавшейся, несмотря на все противодействие, ее выполнения.

Отсюда и существо новой проблемы, появившейся после разгрома путча и победы демократических сил. После всего, что испытали россияне в дни схватки с тоталитаризмом, достаточно массовым становится такой ход мыслей: сколько можно надирать, подвергать себя опасности, вытаскивая за уши из болота абсурдной системы махину под названием Союз, не правительнее ли, думая об интересах граждан России, однозначно заявить о нашей самостоятельности и устраивать жизнь республики по законам суверенного государства. Реакцией на такую позицию и стала, на мой взгляд, та настоятельность, которую высказывают сейчас с разных сторон: мол, Россия, Ельцин используют оборочное состояние центра, чтобы захватить все его силовые, властные структуры, действуя в духе российских имперских традиций.

Кому выгодно так интерпретировать наши действия? Да все тем же. Если вдруг выяснилось, что Президент России и его избиратели действительно едины, и не только в спокойных условиях демократических выборов, но и под угрозой танковой атаки, если оказалось, что гены страха пусть с трудом, но выветриваются из душ россиян, если доказано, что силовыми методами с ними ничего уже не сделать и они осуществят рано или поздно демократизацию до конца, то не лучше ли — в целях самосохранения — не подвергать себя риску содружества с этой демократической, «прокапиталистической заразой», чтобы сберечь свой собственный коммунистический тоталитарный режим. И именно такой подход — в числе, разумеется, других факторов — ставит под вопрос дальнейшее существо-

В СТРАНЕ

Геннадий БУРБУЛИС,
госсекретарь РСФСР

вание Союза, еще вчера объединявшего бесправные народы с помощью насилия и лжи, но вполне способного, на мой взгляд, объединить суверенные республики на основе их собственного выбора и собственной выгоды.

Убежден, что движение в этом направлении возможно. Какими могут быть конкретные шаги? Первое. Фиксируется зона переходного периода — состояние, когда тоталитарный центр уже не может управлять Союзом, а республики еще не готовы к этому. Второе. Форсированно разрабатывается экономическое соглашение пятнадцати республик, устанавливающее взаимовыгодные правила хозяйственно-управленческой деятельности на всей территории бывшего Союза. Третье. Создаются временные структуры для координации экономической деятельности (допустим, межреспубликанский экономический комитет) и государственно-политического управления. Четвертое. Формируется представительный временный парламент из представителей республик (по квотам) с правом оперативного решения законодательных задач в переходный период. Пятое. Все сказанное уместно и возможно при том очевидном условии, что республики самостоятельно определяют формы своего вхождения и участия в долгожданном и долготрудном союзе суверенных государств.

Держать? Кого?

Говорила о Горбачеве, писала, на весь мир наоралась до хрипоты. Только ведь Горбачев из тех лидеров, которые никого не слышат. Повторять снова, что он не знал, что Янаев пьян и уголовник, дело которого о банальном воровстве в крупных размерах в бытность того молодежным лидером прикрывало КГБ? Не знал, что Пугачев был реальным пугалом для всех прибалтов? Не знал, что Поляничко проводил геноцид афганского народа? Не знал, какой Павлов финансист? Знал. И он вовсе не влохой кадровый политик, а блестящий. Только его политика все шесть лет перестройки была построена на таком вот принципе: брать замаскированных — в крови, в деньгах или еще какой другой гадости. А когда послушала его первую пресс-конференцию, где он вновь завел про социалистический выбор, да про верность коммунизму до конца (слава Богу, хватило этой верности на два дня), совсем скучно стало. От этой пресс-конференции заснула и первый раз за эти дни выпала. 23-го пошла на сессию ВС РСФСР. Чудеса — СССР нет (про ВС уж не говорю), а они не понимают, что это не клиническая смерть, когда есть надежда реанимировать. Хоронить пора. Запел Крайко. Трансляция прямая ему помешала. Неосторожно сделал. Он еще до кресла своего не дошел, как Витя (мальчик мемориальский) позвонил, сказал: «На митинг выходить надо». Еле успокоила. Вослед митрополит Питирим про четыреста миллионов напомнил. Панславянства захотелось? Это сегодня-то, когда Словения с Хорватией на развод подали. Скажут, сан митрополита обижано? Нет, я предъявляю свои претензии товарищу народному депутату СССР. Сан я уважаю.

Потом на сессии все пошло по мелочи: виновен, не виновен, герой, не герой. Всерьез о будущем заговорили Акаев и Назарбаев. Ох, как слушали их. Ни шепоточка, и аж выпрямились. Слушали и не услышали. Ну как будто у Президента СССР научились! А с утра Украине независимой и Казахстану сказано было: не рыпайтесь, а то мы — победители, Великая Россия — территориальные

претензии вам предъявим. Бог ты мой, ну почему моя любимая, моя единственная и действительно великая Россия ничему на собственной крови, собственном опыте не учится? Ведь дала судьба Ельцину и всю его великолепную тройку. Ан нет. Надо вновь, как при «Сталине мудром, родном и любимом», все повторить. Что дала нам та великая, насквозь кровью пропитанная Победа? Триста миллионов нищих рабов в собственном доме, гидру военно-промышленного комплекса, горы оружия, усиление номенклатуры и прочего парт-шваляного аппарата только для того (или за то?), чтобы мы чуть ли не половину Европы в собственную вонючую тюрьму затащили. По новой пойдём?

Теперь о политике. Это Горбачев такой блестящий геополитик и стратег, что при нем мы — Великая Россия — Кавказ потеряли. Армяны — единственного нашего историей и географией и всем прочим естественного союзника и собрата — предали. И этим предательством в обмен на мифическую азербайджанскую поддержку Союзного договора (не народную, а компартийную) мы проматывали действительно наше российское наследство, от предков доставшееся, — дружбу с грузинами и армянами. Через день или год, когда Азербайджан плюнет на нас и вместе с четвертой армией и прочими другими там весело по крови гуляющими молодцами под командованием Поляничко скажет: «Общий привет», — что мы скажем? Не видели, не слышали? Это при Горбачеве и под Горбачевым (чего уж тут стесняться, простите меня, Александр Николаевич и Эдуард Амвросиевич) умные, порядочные люди Яковлев, Шеварднадзе, Вольский и другие заботились малого и вполне конституционного передела — свободного советского Карабаха и независимой Литвы. И все мы получили большой предел — на всю одну шестую часть планеты разлилось море разливанное. А теперь, вместо того чтобы посмотреть правде в глаза и начать делать сообща то, что еще можно сделать сообща, мы при Горбачеве будем пытаться склеивать разбитое вдребезги?

ВО МНЕ

Елена БОННЭР

Но я скажу про Горбачева хорошее. Это при нем, при Горбачеве, выросло новое поколение людей, которое никогда не согласится жить при коммунизме. Не согласится, и все. Как бы тот коммунизм ни назывался, хоть по старому — «самодержавие, православию, народность», хоть по новому — Обновленный Союз Суверенных Республик. Прозревшие люди, научившиеся различать правду и ложь (великий урок и пример Андрея Дмитриевича Сахарова) будут жить в реально суверенных и, надеюсь, если у лидеров от победы голова не закружится, дружественных государствах.

Я давно прозрела. Но за миллионы моих прозревших сограждан я ему глубоко и искренне благодарна. По-человечески я счастлива, что лично им подобранная мафия не прикончила его самого и его семью. И мне, прожившей долгую счастливую женскую жизнь, хорошо видна Раиса Максимовна и его любовь. А я люблю, когда любовь. Это так нечасто. То же вижу и у Бориса Николаевича. Но это не значит, что я буду молчать, если его и дальше понесет в великую Россию. Державу. От слова «держать». Кого? Неизбежно — народ, который вчера закрыл собой «Белый дом». А вместе с ним и другие народы?

МИД СССР:

молчаливое большинство

Евгений Верлин

Если с назначением нового министра по коридорам созного МИД и прошлестел вздох облегчения, то был он явно неглубоким и кратковременным. Конечно, лучше заполучить «своего» Бориса Панкина, нежели кого-то из команды Бориса Ельцина. Но это ничуть не вносит успокоения в связи с предстоящим драматическим сокращением аппарата в огромном ведомстве на Смоленской площади.

То, что Иван Силаев, курирующий сейчас во «временном правительстве» Союза внешнеполитические дела, поставит вопрос о сокращении бюджета МИД, мало у кого вызывает сомнение. При 20 или 30-процентном сокращении, очень трудно будет ограничиться лицами пенсионного и предпенсионного возраста. А коль скоро объективно механизма аттестации кадров в МИД никогда не существовало, то на первый план, естественно, выдвинутся мотивы и критерии субъективного характера, густо замешенные на политической конъюнктуре.

Если для людей, не занятых на такой специфической госслужбе, как дипломатическая, момент истины и час выбора наступили 19 августа, то для большинства мидовцев выбирать придется именно в эти дни. «Да, Панкин рисковал и попал в «десятку», — говорят некоторые, — но это отнюдь не означает, что у всех так получится». И действительно, мощная прослойка выходцев из партноменклатуры накладывает на ситуацию свой острый отпечаток: в тех управлениях, где в руководителях «ребята со Старой площади», практически не отмечено случаев выхода из КПСС. И даже пример нового министра мало кого вдохновил. Вот уж воистину: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Тем не менее есть все основания полагать, что в случае не формальной, а реальной департизации МИД число министерских «героев баррикад» или, по крайней мере, внутри-мидовских «диссидентов» со стажем начнет возрастать в геометрической прогрессии. Некоторые из тех, кто рад был бы оказаться в недлинном «черном списке» кадровых сотрудников МИД, вышедших «из рядов» раньше, с гордостью показывают сейчас друзьям партбилеты с непоставленными за последние месяцы отметками об уплате партвзносов.

Да, среди дипломатов были и те, кто уже 19-го принял то решение, которое подсказала совесть, и, сдав партбилет, отправился сразу же или после работы на защиту «Белого дома» России. Но таких все-таки было очень немного, огромное молчаливое большинство лишь наблюдало за ситуацией, послушно выполняя указания высшего руководства...

И вообще, у партийных структур нашего внешнеполитического ведомства богатый опыт работы на нелегальном положении. Ведь именно на таком положении они находились фактически в наших посольствах и торгпредствах за рубежом, называя себя профсоюзными организациями, а комсомольцев — физкультурниками. К тому же и партком МИД в прощальном обращении к своим бывшим подданным дает дельный совет: «... в индивидуальном порядке участвовать в деятельности политических партий и массовых общественных движений в нерабочее время и за пределами министерства».

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:

биржи готовы к стачке

Михаил Гуртовой

В печати и особенно на ТВ широко освещаются перипетии дела Эдуарда Тенякова, управляющего Центральной фондовой биржей, арестованного в Челябинске в дни путча и до сих пор находящегося в заключении. В минувшее воскресенье деловые круги, развернувшие активную кампанию за освобождение Тенякова, собирались провести демонстрацию у стен челябинской тюрьмы, но им было запрещено воспользоваться зафрахтованными и оплаченными самолетами. Митинг состоялся на Краснопресненской набережной Москвы. Интересно, что собралась здесь те же брокеры, что в дни переворота среди первых пошли на баррикады.

В день мятежа они несли стометровое бело-красно-голубое полотнище, разрезанное в тревожную ночь на сотню флагов, один из которых реет над «Белым домом». Сейчас полотнище было уже двухсотметровым. Так же растет и влияние коммерсантов. Заявившие о себе в дни путча как одна из влиятельных сил в стране, они уже, похоже, не позволяют не считаться с собой. Дело Тенякова — проба сил. Сегодня над наивностью выдвинутых против него обвинений смеются не только юристы, но и экономисты. Действительно, коммерческая организация может дать взятку коррумпированному госчиновнику. Но одна коммерческая структура, дающая взятку другой за услуги, нонсенс. Проще заключить законный договор об оплате за посредничество.

За фигурой Тенякова маячат и тени других «узников капитала». Например, Артем Аталянци, сидящий в тюрьме и вовсе без обвинения. С андроповских времен и поныне предприниматели — идеальная жертва для тех прокурорских и милициских следователей, кто желает получить крупную взятку или легкую славу разоблачителя. Больше, похоже, быть «козлами отпущения» коммерсанты не желают.

В фонд Тенякова собрано почти четыре с половиной миллиона рублей. Эти деньги предложены как залог, чтобы Тенякова выпустили из камеры на время следствия. По тщательной скрываемой от прессы сведениям, биржевики готовятся одновременно остановить пока на небольшой отрезок времени работу всех бирж страны. После этой предупредительной стачки возможна и долговременная. Такая, как уже была в дни путча. Чем она грозит? Не забудем, что именно на межбиржевых соглашениях держится основная масса горизонтальных экономических связей между республиками. А вертикальных-то уже не существует.

Дело Тенякова вскрыло еще одну проблему, на мой взгляд, напрямую касающуюся расследования дел путчистов и их пособников. Мы все, безусловно, ратуем за то, чтобы все делалось на правовой основе. Поговорив с теми, кто ведет дело Тенякова, я убедился, что они, мягко говоря, предвзято относятся не только к Тенякову, но и к предпринимательству вообще. Кроме того, поскольку Теняков был в «черных списках» путчистов, то, если его выпустят за невиновностью, скомпрометированными окажутся те, кто заварил эту кашу. Так что они будут стоять насмерть. Думается, для объективности делом Тенякова должна заняться следственная группа не из Челябинска.

ПАРТНОМЕНКЛАТУРА:

шанс дожить достойно

Людмила Леонтьева

Кооператив «Эльбрус» в Черкесске дал в местной газете объявление: «Бывшие работники партаппарата, желающие получить помощь при создании малых предприятий и кооперативов либо пройти курс обучения для работы в рыночных структурах, могут позвонить по следующему телефонам...»

Любопытная деталь: руку помощи безработным партийцам протягивает кооператив, который все годы его существования душила местная партноменклатура. Не раз высылали армии контролеров и ревизоров, замораживала строительство объектов, счета в банках, пыталась и вовсе закрыть кооператив, невзирая на то, что 85 процентов работающих в нем — инвалиды труда и детства. Раздражала политическая, гражданская активность кооператоров, вызывал зависть размах, с которым они вели дело, оказывая большую безвозмездную помощь и городскому хозяйству.

Но сейчас в «Эльбрусе» даже не хотят вспоминать прошлые обиды. — Неизмеримо важнее, — говорит председатель кооператива Яков Гольдберг, — сохранить гражданский мир, нравственный баланс в обществе. Зачем же крайности? Полезное практическое дело могут делать многие из номенклатуры: и опыт есть, и честолюбие, заставляющее добиваться цели... Надо дать им шанс.

В черные дни мятежа «Эльбрус» стал центром сопротивления. Отсюда распространялись сотни листовок с обращениями и указами Российского правительства. Здесь было размножено и доведено до населения запрещенное обкомом партии к публикации в местной печати предствление прокурора республики Юрия Лушников о преступности хунты.

— Сейчас надо бороться против психологического состояния гражданской войны, из которого не желает выходить часть общества, — говорит член совета «Эльбруса», депутат черкесского горсовета Владимир Полубояренко. — Непозволительно загонять кого бы то ни было в подполье. Всем без исключения, и аппаратчикам в том числе, надо приниматься за настоящую работу...

Актуальные слова — ничего не скажешь: ведь из некоторых областей приходит информация о том, что бывшим партработникам нередко отказывают в работе по их дипломным специальностям, ничем не мотивируя отказ или аргументируя тем, что «они ничего не могут».

А что же с предложением «Эльбруса»? По названному в объявлении телефонам позвонили несколько человек. Все они аппаратчики низшего звена.

СТАТИСТИКА:

почем нынче путчи

Андрей Бороденков

По предварительным итогам, в те злосчастные августовские дни только Москва из-за введения комендантского часа (на предприятиях были отменены вторые смены) убытков, понесенных городским транспортом, парализованным в центре города, потеряла около 70 млн. рублей. Примерно в 1 млрд. долларов (с учетом потерянной выгоды от распавшихся контрактов, остановок ряда СП в связи со спешным отъездом зарубежных специалистов, а также конфискации собственности некоторых фирм) оценивают свой ущерб совместные предприятия. Такую же сумму, как считают некоторые эксперты, потерял наш Внешэкономбанк. Хотя, по словам его зампреда Томаса Алибегова, миллиард — это слишком. В реальности в связи с отзывом зарубежных депозитов, остановкой межбанковских операций и задержкой платежей за наш экспорт можно говорить о потере нескольких сотен миллионов долларов.

Есть прикидки и по Союзу в целом. По сведениям, полученным в Госкомстате СССР, с 19 по 21 августа наша промышленность и сфера услуг ежедневно недодавали благ почти на полмиллиарда рублей, поскольку бастовали и митинговали работники, были блокированы поставки импортного сырья, творилась неразбериха на транспорте и, наконец, что хуже всего, стали стремительно рваться и без того дышащие на ладан межреспубликанские кооперационные связи.

Что по-прежнему покрыто мраком, так это затраты на поддержку путчистов подразделениями армии и КГБ. Если, по словам начальника Центра общественных связей КГБ СССР Александра Карбаинова, в его ведомстве такие подчеты даже не планировались, то в Министерстве обороны они не только планировались, но и велись. Причем, как заявил начальник управления информации МО Валерий Манилов, с единственной целью — удовлетворить общественный интерес. Однако по мере спада народного гнева и роста умиления «единством армии и народа» желание огласить эти данные, видимо, отпало.

Впрочем, каким бы солидным доверием ни были они ко всем прочим потерям, это песчинка в сравнении с тем обвалом экономики, который подстегнул путч.

Еще весной, по итогам первого квартала, эксперты предрекали к концу года 15-процентное падение национального дохода, что в денежном эквиваленте составляет свыше 200 млрд. рублей. Сегодня о таком уровне спада можно только мечтать. Как бы скверно и злокозненно ни было наше прежнее правительство, как бы ни разделено кустарными таможенными наше экономическое пространство, но ведь и то и другое было. Теперь же... Отставка Кабинета министров СССР и как следствие вакуум власти, парад уже не суверенитетов — независимостей республик и, значит, куда более существенные преграды развитию единой рыночной экономики. Если не возобладают здравый смысл и политическое согласие, эти раздирающие страну центробежные силы неумолимо повлекут нас к тому рубежу, за которым последует коллапс.

По оценке западных экспертов, он наступит при 20—25 проц. спаде производства.

ПРЕССА:

жизнь после смерти

Степан Киселев

Шесть коммунистических газет, закрытых Указом Президента РСФСР «за активную поддержку противозаконных действий ГКЧП СССР», одна за другой возвращаются к жизни. Реанимация «Правды», «Рабочей трибуны», «Советской России» и «Московской правды» уже увенчалась успехом, а вскоре, видимо, в газетных киосках появятся и остальные бумажные коллаборационисты. Период «клинической смерти» длился недолго, и, судя по первым вышедшим номерам, необратимых изменений психики у коммунистической прессы пока не наблюдается.

В полном соответствии с партийной традицией (наш код — пока) и, вернувшись с того света газе, извиняются перед читателями и заверяют их в своей лояльности к закону и законно избранной власти. «Правда» пообещала «стать газетой гражданского согласия», а «Рабочая трибуна» — «подлинной всенародной трибуной». Как бы в подтверждение своих благих намерений эти газеты перестали призывать «протаривать всех стран соединиться» и спешно открылись от отца родного — ЦК КПСС.

«Правда», как всегда, в авангарде обновления: газета стала на 5 коп. дороже, журналистский коллектив поменял своего главного редактора, сняли с первой полосы профиль В. И. Ленина и в первом же вышедшем в свет номере обругали Верховный Совет СССР «послушным лужьяновским органом». Руководить «Правдой» и оправдываться за грехи прошлого руководства правдисты доверили Геннадию Селезневу, члену бывшего ЦК КПСС, бывшему главному редактору «Уральской газеты», бывшему по вому заместителю главного редактора «Правды». Судя по его первой публикации, хозяйство он принял настолько в плачевном состоянии, что даже Бога призвал на помощь, попросив у него «сил и мудрости». С подписчиками же отношения у «Правды» попроще: создан фонд поддержки газеты, куда редакция просит перечислить кому сколько не жалко как в рублях, так и в свободноконвертируемой валюте.

Впрочем, к этому источнику финансирования в «Правде», кажется, относятся с изрядной долей скепсиса и ищут более богатого дядю, способного заменить управление делами ЦК КПСС. Им может оказаться и «один отдельно взятый миллионер» Роберт Максвелл, газетный магнат из Англии, давно готовый прибрать к рукам все, что плохо лежит на советском газетном рынке. В первом же номере новой «Правды» ему посвящены трогательные строки, слегка напоминающие признание в любви и предложение руки и сердца.

Судя по появившейся в прессе информации, может поступить принципы и «Советская Россия». Финансовое вспоможествование газете российских коммунистов предлагает концерн «Галант», президент которого Андрей Завидия известен не столько своими миллионными, сколько своей дружбой с Владимиром Жириновским, которому он собрался ассистировать в качестве вице-президента РСФСР. Так или иначе, но, видимо, все экс-коммунистические газеты проявят в ближайшее время деловую активность, чтобы найти инвесторов взамен почившего ЦК. А будут деньги — будет и песня.

И слава Богу! Мне лично было бы скучнее жить, исчезни «Советская Россия» или «Правда». Так что с возвращением вас, коллеги...

Фото Бориса КАУФМАНА.

НОВО-ОГАРЕВО ВЪЕЗЖАЕТ В КРЕМЛЬ

Чем опасен переходный период

Когда 23 апреля в Ново-Огареве был подписан первый межпрезидентский протокол, Союз Советских Социалистических Республик еще существовал. «Наш общий дом», да, требовал капитального ремонта, но позволял вести споры о путях реконструкции. Три дня, прожитые страной под знаменем ГКЧП, довели аварийное состояние до аварии. Дом рухнул — «поехала» и крыша, и стены, и фундамент. В такой ситуации клич «спасайся, кто может» естественным образом превратился в политический лозунг дня. Что, собственно, и подтвердили «десять плюс один», родив под утро 2 сентября экстренное совместное заявление, призванное остановить стихийный развал страны.

Отбросив до поры суверенные амбиции, руководители республик попытались спасти территорию бывшего СССР от гибели под обломками империи. Что же было предложено? Незамедлительно подписать договор о Союзе суверенных государств, предполагающий разные формы соучастия. Разработать экономическую конвенцию для всех бывших ССР. Сформировать на переходный период госсовет из руководителей суверенных государств, межреспубликанский экономический комитет, подписать военно-стратегическое соглашение... Заменить Верховный Совет СССР и съезд Советом представителей (по 20 депутатов от каждой независимой республики, для разработки и утверждения в кратчайший срок новой Конституции нового Союза... Еще не гарантия, но все-таки шанс на мирную реформацию.

Характерные признаки конституционного кризиса нарастали весь последний год. Верховная по Конституции власть действовала в Кремле, верховная по сути управляла из Ново-Огарева. Политическая логика явно не совпадала с конституционной. Взрыв, таким образом, оказался предсказуем... Избежать можно было только крови. Не удалось и того. Попытка внеочередного съезда перевести этот взрыв в управляемый режим, пожалуй, уже последняя.

Предложен и метод. Вместо силового диктата мирный договорный процесс. Хельсинки по-советски вместо советского Сантьяго.

После форосского шока Президент СССР (на этот раз в соавторстве с коллегами по президентству) еще раз явил миру искусство политического маневра. Прорыв в новый этап реформации был проведен в жанре блиц-крига. Съезд народных депутатов оказался, по существу, в роли зрителя, тоже, впрочем, подчиненного режиссерскому замыслу.

Однако операция на грани кон-

ституционного фола, увы, оказалась не слишком корректной, что подтвердило: политические шедеры в отличие от поэтических редко рождаются при ночных озарениях. Попытки решить в два-три часа проблемы, накопившиеся за годы, даже в теории не могут быть безукоризненными.

Программа одиннадцати в ее первом варианте оказалась весьма уязвима для критики. Хотя бы уже потому, что не содержала конституционного механизма реформы власти. (Даже статьи Конституции, требующие приостановки, в нем не были названы).

Были и другие, едва ли не более важные проблемы. Не поспешили ли президенты с надеждами на новую союзную Конституцию — многие политики считают эту идею уже неосуществимой. Не просчитались ли с временным Советом представителей — этот орган не обеспечивает ни пропорционального представительства избирателей, ни представительства бывших автономий. И наконец — гарантии и контроль. Кто поручится, что госсовет, состоящий из лидеров с весьма различными политическими взглядами, гарантирует и соблюдение прав человека, и демонтаж тоталитарных структур, и уважение национальных меньшинств? А контроль над общим бюджетом, армией, кадровой политикой на межреспубликанском уровне?

А как отнестись к тону «одиннадцати», к той форме, которую они избрали для выяснения отношений со съездом? И дело не только в том, что команда «одиннадцати» ответственна за августовскую драму не менее команды «двух тысяч двухсот». Просто известные манеры одной на днях приостановленной партии мало уместны на конституционном демократическом форуме, какие бы высшие соображения ни шли в расчет. Стоит ли в очередной раз напоминать обществу, что у нынешних лидеров, увы, как правило, давнее или недавнее номенклатурное прошлое...

Когда рушится крыша, кричат «караул», забывая про «пожалуйста» и «извините», скажут мне. Все так. Но речь не о церемониях, скорее о технике безопасности. В данном случае совсем не лишне при демонтаже старой власти. Подпорки, подставленные под аварийный дом, должны быть надежны, и в давке необязательно работать локтями...

Когда этот номер попадет к читателю, внеочередной съезд уже примет свои решения. Разумеется, исторические. Дай Бог, чтобы это была действительно новая история.

Людмила ТЕЛЕНЬ.

ОДИН ДЕНЬ С ГУБЕРНАТОРОМ

Первые шаги главы администрации Краснодарского края

Раз указ, два указ

Дьяконов начал действовать в строгом соответствии с указами Ельцина. Первыми своими распоряжениями закрыл крайком КПСС, передав его здание детской больнице, отобрал весь партийный транспорт, гостиницу, Дом политпросвещения. Назвал этот документ «О возвращении имущества КПСС народу». Для Краснодарского края, оплота консервативной номенклатуры, такой поворот был потрясением. На улицах краевого центра не видели танков, военных патрулей. Просто на второй день путча почти все краевое руководство, включая не только крайком КПСС, но и председателя крайсовета и крайисполкома, заявило: все идет так, как надо. И это было традицией медуновско-полозковской вотчины.

Действие родило противодействие. На второй день пребывания у власти Дьяконов закрыл поддерживавшие путчистов газеты. Разогнал исполком. Вместо привычных отделов исполкома начал формировать департаменты исполнительной дирекции, которые по его замыслу должны были не управлять промышленностью и сельским хозяйством, а консультировать и увязывать коммерческие структуры между собой. Всех сотрудников своего аппарата побудил выйти из КПСС. Естественным следующим шагом Дьяконов считает реализацию земельной реформы.

Комиссар?

Василий Дьяконов поселился в кабинете своего предшественника — председателя крайсовета Николая Кондратенко. Там стоит аппарат правительственной связи. Дьяконов хорошо помнит, как в разгар бунта хозяин этого кабинета буквально выгнал делегацию народных депутатов СССР и РСФСР, когда те пришли к нему с указами Ельцина и потребовали немедленной отмены чрезвычайного положения в крае. Теперь ситуация изменилась на противоположную.

— Я здесь, чтобы исполнять указы Президента РСФСР, — сказал он мне. И судя по тому, что в первый день своего правления он спрятал в сейф новенький пистолет с двумя запасными обоймами, настроен он серьезно.

Дьяконову 45 лет, он из местных,

всю жизнь учился и работал в Краснодарском крае. Был, можно сказать, человеком из «обоймы» — в медуновские времена возглавлял крупный монтажный трест, в полозковские — стал директором концерна «Кубаньуниверсалсантехмонтаж». Сразу после своего избрания народным депутатом РСФСР возглавил демократическую оппозицию, благодаря решительным действиям которой во время недавнего путча на сторону Комитета по защите конституционного строя РСФСР встало большинство краевых депутатов и весь ОМОН со своим командиром во главе.

Дьяконов хорошо понимает, что время открытых столкновений прошло: прийти демократам к власти и иметь своего человека во главе — уже мало. Надо дать людям почувствовать, что теперь можно жить не только по-новому, но и лучше. Скажем, в снабжении и торговле Дьяконов решил начать с малого, избавиться хотя бы от одной проблемы — табачной. Глава не стал, подобно своим предшественникам, устраивать очередной рейд по борьбе со спекуляцией дефицитом, а задумал открыть заново табачные киоски, распродать их всем желающим и приказал департаменту торговли помочь частникам подписать прямые контракты с табачными фабриками. Пусть продают по коммерческим ценам — все равно ниже тех, что на рынках.

Дьяконов хорошо понимает, что время открытых столкновений прошло: прийти демократам к власти и иметь своего человека во главе — уже мало. Надо дать людям почувствовать, что теперь можно жить не только по-новому, но и лучше. Скажем, в снабжении и торговле Дьяконов решил начать с малого, избавиться хотя бы от одной проблемы — табачной. Глава не стал, подобно своим предшественникам, устраивать очередной рейд по борьбе со спекуляцией дефицитом, а задумал открыть заново табачные киоски, распродать их всем желающим и приказал департаменту торговли помочь частникам подписать прямые контракты с табачными фабриками. Пусть продают по коммерческим ценам — все равно ниже тех, что на рынках.

Ломать, чтобы строить

На 14 часов у Дьяконова была назначена встреча в краевом УВД. «Я приехал сюда не за тем, чтобы сводить счеты, — заявил Дьяконов командному составу УВД. — Я ценю честных профессионалов». Три часа Дьяконов общался с милиционерами, признавшись мне потом, что именно им, из бывших официальных структур, он доверяет больше всего. Поэтому так важно привлечь их на свою сторону. С ходу Дьяконов решил сразу несколько проблем: обязался отдать освободившиеся телефонные номера крайкома партии оперативникам и рядовым милиционерам, партийный автотранспорт — отделениям милиции, пообещал, что при любых раскладах нарождающейся рыночной экономики милиция не окажется «крайней».

Будет ли в крае губернатор?

В первый день работы сессии краевого Совета весь президиум в полном составе подал в отставку. И хотя избрали на второй день нового председателя краевого Совета, права его, мягко говоря, иллюзорные — в соответствии с указом Ельцина самые большие возможности получил Дьяконов. Он не только командует УВД, КГБ и всеми остальными структурами, но даже может налагать вето на решения Совета. Диктатура? Не совсем.

«В крае — нормальное президентское правление, — говорит Дьяконов. — Такие меры сегодня необходимы, чтобы вывести Россию из кризиса». Через некоторое время, считает Дьяконов, должны состояться новые выборы. Тогда все пойдет в соответствии с законом РСФСР о местном самоуправлении. На них и изберут всенародным голосованием главу исполнительной власти, которому больше, на его взгляд, подходит название «губернатор». Все будет по закону: Советы или парламент края будут издавать законы и утверждать бюджет, губернатор и департаменты — проводить их в жизнь, править краем. Дьяконов уже сформировал свою команду, построил ее по образу и подобию московских и ленинградских властей.

Александр ФЕДОРОВ, спецкор «МН».

ДОСЬЕ «МН».

Сколько их будет?

Указом, подписанным вечером 24 августа, Президент России назначил своих представителей в 14 краев и областей республики. В Краснодарский край направлен глава администрации. География назначений практически совпадает с тем обстоятельством, что в дни путча руководство этих регионов либо открыто поддержало ГКЧП, либо заняло выжидательную позицию. Однако уже через несколько дней Борис Ельцин назначил полномочных представителей еще в ряд областей. А народный депутат РСФСР Михаил Килюк в качестве главы администрации был направлен в Кемерово, где уже действовал представитель президента шахтер Анатолий Мальхин.

В «Белом доме» на Краснопресненской набережной мне пояснили — кандидатуры представителей и глав администрации сейчас на всякий случай подбираются для каждой из 88 областей, краев, автономных областей и округов республики. Целесообразность назначений будет определять лично президент. Полной ясности еще нет. Те же автономии, заявившие о своей независимости, коснутся нововведения их непосредственно, несомненно, воспримут это как диктат.

Полномочные представители вольются во вновь создаваемое в администрации президента Кон-

трольное управление. Однако уже сейчас наставления получают преимущественно от его будущих сотрудников. Ими и руководствуются, поскольку временное положение, регламентирующее их деятельность, лишь готовится. Представители должны контролировать и координировать ра-

тельную власть в национальном административно-территориальном образовании. Он сам подбирает себе «команду», формирует необходимые структуры. Подотчетен только президенту республики. Глава администрации не должен заниматься политическими вопросами, его основная за-

Маршруты первых полномочных представителей Президента России.

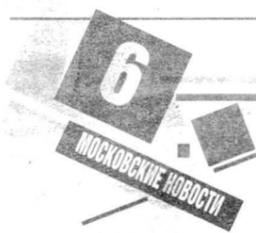
боту исполнительных органов местных Советов, добиваться строгого и точного исполнения президентских указов и реше в случае каких-либо нарушений вносить представления о принятии необходимых мер или информировать президента.

Назначение главы администрации, по сути, означает смену председателя исполкома. На главу администрации возложена вся полнота исполнительно-распоряди-

дача — создать условия для проведения экономических реформ.

Практически все полномочные представители и главы администрации свою деятельность нацелят на контроль за исполнением указов Ельцина о приостановлении деятельности РКП, сохранности ее имущества, выяснении причастности должностных лиц к попытке военного переворота.

Владимир КИСЕЛЕВ.

Если не возражаете, Вадим Викторович, отмотаем пленку назад. Я позвонил вам в полдесятого утра 19 августа, вы сказали, пораженные заявлениям, информации никакой, утром встретились с Ревенко, накануне вернувшимся из Крыма, президент жив-здоров... Сказали, что этого дела так не оставите. Как дальше развивалась для вас ситуация? Что в эти три дня было самым тяжелым?

— Текст заявления комитета мы с женой рано утром услышали не с начала, и в этот момент, еще дома, ничего нельзя было понять. Если президент болен, то при чем здесь вся эта риторика о перестройке, которая привела страну в тупик? Или здоровье — или перестройка. Заявление от советского руководства... От какого руководства?

— Все сейчас вспоминают, все рассказывают. Я не участвовал в боевых схватках. Я просто решил для себя, что в эти игрушки не играю. Написал от руки заявление Янаеву. В связи с тем, что не могу согласиться с антиконституционным отстранением президента от власти, не считаю возможным исполнять обязанности члена Совета безопасности и прошу принять это к сведению. Я даже не написал, что прошу отставки, просто — «прошу принять к сведению», расписался и пошел к Янаеву. Он был в довольно растрепанном состоянии. Сказал: «Я с четырех часов здесь». Мы с ним на ты, кстати. Все время он курил, ходил по кабинету. Видно было: действительно очень взволнован. После бессонной ночи — мешки под глазами, отекающий. Я его спрашиваю: «Что происходит?» «Я сам, — говорит, — не знаю, что происходит. Вот приехали, два часа уговаривали. Я не соглашался, уговорили». — «Кто приехал?» — «Они приехали». Я говорю: «Чего же ты согласился?» — «Понимаешь, они были в Крыму». И вот это выражение его испугало: «Полный трибунал». Что такое «полный трибунал»? Расстрел или кого-то под трибунал. А он по-прежнему в полной прострации... Я говорю: «Да что ты, спроси Ревенко. Он Горбачева вчера видел, у президента всех болезней — радикулит, ничего больше. Да он и самолеты вызывал, что с ним случилось за полдня? Это невозможно!» Потом написал это заявление и фельдшварь его послал. Мне сейчас министр МВД Баранников говорил, что мое заявление приложено к делу. Когда первые эмоции прошли, я стал думать, а почему, собственно говоря, я должен подчиниться, если я считаю все это антиконституционным? Правильно ли я делаю, что просто ухожу и все? На следующий день утром я ему написал новое заявление. Уже на машинке и с копией: вчера утром я подал заявление о том, что антиконституционный орган приостановил деятельность конституционного органа, с чем я не могу согласиться и, понимая ответственность свою как члена Совета безопасности, прошу вас употребить свое влияние, чтобы, по крайней мере, путчисты — войска не начали насилия. Просил предотвратить кровопролитие, вывести танки с площадей и принять меры по обеспечению безопасности Горбачева. Как минимум. Но и тогда я, честно сказать, не представлял, как все будет развиваться. Да, еще написал: у вас есть исторический шанс, вы должны им воспользоваться. Примерно такой вот текст.

Вадим БАКАТИН:

— Для меня очень неожиданно. Хотя, если искренне, я помню, что после того, как была атака на Горбачева и Павлов запросил чрезвычайные полномочия, я слышал несколько раз разговоры: Крючков подает в отставку и меня прочат сюда. Но это на уровне слухов, думал — болтовня. Поэтому к такой перемене я оказался не готов, конечно, и программы не было. Еще до назначения я стал как член Совета безопасности заниматься «Альфой» — спецотрядом КГБ (ко мне домой пришли ребята из «Альфы» с подробной исповедью об этих трех днях). Я в результате Горбачеву сказал, что надо забрать это подразделение из КГБ, пока не поздно, и передать непосредственно в подчинение Башкина — коменданта Кремля. Он говорит: готовь немедленно такое распоряжение и встречу с этими ребятами, а командира «Альфы» Карпущина уволить. Я этим занимался, а мне все время звонили из приемной президента и говорили: вас ждут, вас ждут... Я сидел час, не реагировал на звонки, пока не подготовил документ, — думал, зовут для разговора именно об «Альффе». Прихожу, а там сидят в «ореховой комнате» все — Горбачев плюс «девятка». Исход: мы все решили тебе предложить быть председателем КГБ. Я им, конечно, сразу сказал, что у меня есть другая кандидатура — Юрий Рыжков. Он человек гражданский, а я все-таки в какой-то мере полугенерал. Во-вторых, он все-таки теоретик, разработчик концепции безопасности. Я знаю, что он этим занимается, и знаю людей, которые с ним работают. Что касается меня, то я неоднократно выступал просто за ликвидацию Комитета госбезопасности. В решении Совета федерации Горбачев вторым пунктом записал: поручить Бакатину внести предложение по коренной реорганизации Комитета государственной безопасности. В этот же день в 3 часа решили проводить коллегию, я и провел ее по инерции. Потом только понял, что никакой коллегии быть не должно в принципе, потому что коллегию надо обновлять полностью.

— Но еще в этот день было ваше с Примаковым совместное заявление.

— Примаков мастер писать — он быстро его составил. Вольский под-сказал: хорошо бы три члена Совета безопасности подписали, позвоните Бессмертных. Примаков позвонил, зачитал. Я не слышал, что ему отвечали на том конце провода. Но, короче, Бессмертных отказался, а ТАСС отказался передать. Хорошо, «Интерфакс» помог. Потом позвонил мне в машину Борис Николаевич, попросил выступить на российском съезде — это вы знаете. Позже была гонка к самолету, чтобы лететь в Форос. Чуть не опоздал. Когда мы примчались, трап был убран и техник уже стоял с наушниками. Я их вырвал у него и

начал летчикам кричать, чтобы они заглушили двигатели и позвали Силаева. Подогнали трап, и мы с Примаковым туда ввалились.

Ну, а там — это была радость. Я ничего не могу сказать... Это был такой счастливый день!

Я, честно говоря, до сих пор не понимаю, как вообще можно так делать государственный переворот. Я не профессионал, конечно. Во всем происшедшем оказался колоссальный плюс, который сегодня общество получило в результате поражения путча, — отвергнуты преграды для движения демократии. Все резко ускорилось. Но это ускорение за собой привнесло и много побочных опасностей.

— Хорошо помню ваш рассказ о назначении министром МВД. Как позвонил вам в Кемерово Горбачев, спросил о выполнении планов по углю, а потом поставил перед фактом. А как было на этот раз?

У вас были сложные отношения с Крючковым, пока вы руководили МВД. Прибавилось ли что-то в последнее время к его портрету?

— Почти ничего. Видите ли, он подталкивал все время Горбачева к насилию. Подталкивал тем, что пугал его, давал ему искаженную информацию. Моя же информация была для Горбачева нередко иной, и он через меня многое проверял. Но в какой-то момент после ноября или октября прошлого года он ему, конечно, доверился, а меня убрал.

— А вообще каков ваш взгляд на КГБ за эти несколько дней и как будет меняться сам комитет?

— У нас сегодня нет уже спецвойск — 3 дивизии, бригада отданы в Советскую Армию. Мы думаем о том, что должны быть абсолютно самостоятельные пограничные войска — в КГБ они ни к чему. Уже под-

А будете ли вы делить КГБ на зарубежный и внутренний — на две структуры?

— Я не хочу сейчас сразу на третий день решать: пришел, увидел, победил — это не для меня. Здесь нужно советоваться. Но я считаю, что, освободившись от всех несвойственных функций, за КГБ должны остаться либо две, либо три главные. Если говорить о трех, то это — внешняя разведка за пределами страны, внутренняя контрразведка (борьба с проникновением шпионов) и третья — это элитные подразделения по борьбе с наиболее опасными общеуголовными преступлениями: коррупция, сверхбан-дитизм, наркотики, терроризм. Это такие спецподразделения, которые в какой-то мере будут дублировать, конечно, работу МВД, но в этом я не вижу плохого.

«НАМ НУЖНО МНОГОЕ ДРУГ ДРУГУ ПРОСТИТЬ»

В новом кабинете председателя КГБ Вадим Бакатин пока успел сделать только одну перемену — повесил у двери картину «Зима в лесу». Остальное — наследство Крюčkова, даже портрет Горбачева над столом. Свергнуть и сидеть под портретом свергнутого — в этом, мне показалось, символ всей логики путча. Впрочем, в этом же кабинете, как рассказал его новый хозяин, принимались самые драматичные решения трагической ночи с 20 на 21 августа. «Московские новости» были первой газетой, которую Вадим Бакатин дал интервью в новом качестве шефа госбезопасности.

Фото Владимира ЖАРОВА.

писан Указ президента о спецсвязи (сюда же входит шифровальная служба). Это колоссальнейшее учреждение — четверть бюджета КГБ. Кстати, бюджет КГБ значительно меньше, чем МВД. И численность меньше. Кроме того, военная контрразведка должна быть передана в ближайшие дни в армию. Служба, которая должна заниматься внутри МВД проблемами предательства и коррумпированности милиции, — эта служба из КГБ должна быть передана в МВД. Пусть сами отвечают за себя и имеют инструменты внутренней контрразведки.

— Архивы?
— Ельцин уже указ о них написал, и мы с ним согласовали схему реализации этой очень сложной проблемы. Не так просто — все опечатать, все открыть. Мы договорились с Ельциным о 6 месяцах. Но движение всех наших архивов остановлено, запрещена какая-либо вывозка. Созданы комиссии вместе с российским госархивом. Но еще раз повторю: передача архивов на агентуру — только через мой труп! Я не хочу вестись в общественную жизнь мотив сведения счетов, а по сути, для тысячи людей — трагедию.

— Расплату за путч должна нести только вершина пирамиды.

— То есть увольнения уже начались?

— Да. И я могу перечислить целый ряд тех, кого уже я уволил. Генералы Плеханов, Генералов, Беда, Глузченко, Расщепов, Карпущин, Грушко, Агеев... Но имеет ли это большое значение? И еще будут уволены довольно многие. По стране, может быть, это будут сотни, тысячи, но это те, которые действительно запятнали себя государственным преступлением — участием в заговоре. У меня нет о них заботы. А есть забота, например, о литовских работниках комитета. Как им быть? Они продолжали служить тем законам и тому органу, который, собственно говоря, представлял Союз. Они не виноваты. Ведь не они породили эту ситуацию, а Ландсбергис и Горбачев, которые тянули этот процесс до тех пор, пока путч не подстегнул, не придал смелости и не ускорил развал. А что касается Литвы, Латвии, Эстонии, то это не развал, это совершенно естественный процесс. Но уходя, должны ли они лишиться пенсии, выгнать, репрессировать тех сотрудников, которые не совершили никакого уголовного преступления?

— Вы, видимо, изучаете документы путча. Попадались ли вам списки на аресты?

— Нет. Я не встретил этих документов. То, что напечатала какая-то газета, не внушает доверия. Могу предположить, что списки не существовали. Потому что все-таки люди здесь следов не любят оставлять (как я понял). Если и надо было кого-то арестовать, как Гдлана, то распоряжались устно. Но я не располагаю сегодня уже завершенным ведомственным документом по расследованию всех этих обстоятельств, поэтому я бы очень осторожно пока отнесся к таким вопросам.

— Как, на ваш взгляд, избежать катастрофического для людей госбезопасности общественного негодования, которое валом продолжает катиться на КГБ?

— Если говорить в целом, тень прошлых репрессий и других преступлений ложится на карательные репрессивные органы. Это все так. Но общество должно же понять, что оно само виновато, — ведь терпели, жили, а теперь все стали героями, все хотят кого-то обвинять. Нельзя так. Нам надо многое друг другу простить.

— Как вы лично отнеслись к сносу памятника Дзержинскому?

— Как к вандализму, о котором мы будем сожалеть уже очень скоро. Не вижу здесь никакой победы. И не потому, что я с большим уважением отношусь к Дзержинскому, отнюдь нет. Как зрелый человек, я к нему отношусь абсолютно равнодушно.

— А как вы относитесь к предупреждению о том, что «воровать улей всегда опасно»? Вы ведь и поставлены воровать его.

— Да, можно вызвать новую волну какого-то насилия, террора. Один из первых документов, который я подписал, это документ, касающийся опасности террора, волны мести, попыток свести счеты.

— Ваш статус — это будет статус гражданского человека, политика или ситуация вновь заставит вас быть генералом?

— Когда начали обсуждать вопрос, что, может быть, недостаточно мне генерал-лейтенантского звания, а, может быть, дать генерал-полковника, я сам попросил этого не делать. Не нужно. Я считаю, что в принципе любая служба должна управляться профессионалами. Мы постепенно перейдем от военизированной сетки (от младшего лейтенанта до генерала армии) к иерархии таких должностей, как комиссар, инспектор. Но это будущее. Сейчас это ломать невозможно, потому что для сотен тысяч людей это определенные пенсии, выслуга. Менять нужно всю систему.

Беседу вел Виктор ЛОШАК.

Одна из проблем Восточной Европы — это уволенные и оставшиеся без работы сотрудники их бывших служб госбезопасности. Как вы видите судьбу тех, кто у нас будет уволен?

ЕЛЬЦИН УКРАИНУ НАПУГАЛ, РУЦКОЙ — УСПОКОИЛ

Большинство населения республики поддерживает провозглашение независимости. Объединило это и разные политические течения. Но если радикальные реформы в экономике будут торпедироваться, согласие лопнет.

Где будет «коммунистический заповедник»?

Два события определяют температуру жизни Украины — провозглашение Акта о независимости республики и решение о приостановлении деятельности КПУ.

В Галичине, где компартия последние полтора года была в оппозиции, больше радуются самостоятельности Украины, в других регионах доминируют требования распустить КПУ и национализировать ее имущество. Местные демократы опасаются, что независимая Украина станет «коммунистическим заповедником», где сохранится питательная почва для появления своего ГКЧП. Состоявшийся в Киеве «подпольный» пленум ЦК КПУ эти опасения не развеял. Руководство компартии продолжает игнорировать законы: пленум прошел после решения Президиума ВС Украины о приостановлении деятельности КПУ. Заявив о выходе КПУ из КПСС, пленум взял курс на создание новой партии с нынешним руководством во главе. А оно, похоже, не намерено отказываться не только от коммунистической идеологии, но и от прежних методов.

В разных регионах Украины ситуация складывается своя. К примеру, Львовский обловест приостановил деятельность не только компартии, но и комсомола, аннулировал прежнюю государственную символику. На территории области срочно ликвидируется наглядная агитация «коммунистическо-империалистического и милитаристского характера». В Харькове комсомол и символику не трогают, позволяют обкому компартии в последний час уничтожить горы документов. В Крыму же вообще все

стало с ног на голову. Его руководство поддержало ГКЧП, однако каяться не намерено. Напротив, на полуострове преследуют тех, кто активно выступил против хунты.

Лидеры Крымской АССР не отказываются и от намерения подписать Союзный договор. В составе провозгласившей независимость Украины сделать это не удастся. Многие крымчане готовы вернуться под крыло Российской Федерации; но консервативное руководство полуострова перспектива жить под началом Бориса Ельцина тоже не прельщает. А значит, возможны попытки со стороны лидеров автономии занять место Украины в «ново-огаревской десятке». Если это произойдет, «коммунистическим заповедником» станет не самостоятельная Украина, а член «обновленного Союза» — Крым.

Кто в оппозиции?

С началом путча инициатива на Украине перешла к «Руху» и поддерживающим его партиям. Внеочередная сессия ВС приняла почти все требования парламентской оппозиции — Народной рады, хотя ее члены составляют только четвертую часть депутатов. В перерыве между сессиями Президиум ВС также работал под диктовку «руховцев», а Председатель ВС Леонид Кравчук, по словам члена Президиума Леся Танюка, процентов на 80 поддерживает сейчас линию Народной рады. Так кто же в оппозиции?

Противостояние в ВС коммунистического большинства и демократического меньшинства, наверное, закончилось. Теперь будет две оппозиции — слева и справа. Первую составят радикалы из Народной рады (не более двадцати человек),

вторую — ортодоксы-коммунисты, чья группа более многочисленна. Правда, демократы надеются, что многие из секретарей парткомов (их в ВС около 80) сложат депутатские полномочия, так как в той или иной степени причастны к путчу. Но если даже это не произойдет, большинство отныне все равно будет принадлежать центристскому блоку, куда войдут умеренные из Народной рады и группы «За советскую суверенную Украину». Предполагается, что независимость республики вчерашние коммунисты будут отстаивать не менее настойчиво, чем «руховцы», но останутся более консервативными в отношении экономической и других реформ. Если этот консерватизм окажется чрезмерным и радикальные экономические преобразования будут торпедироваться, Народная рада попробует, наверное, добиться переизбрания ВС на многопартийной основе.

Изменение расстановки сил в парламенте не может не повлиять на состав формирующегося Кабинета министров. Очевидно, что несколько вакансий (государственного министра по гуманитарным вопросам, министра высшего образования) будут отданы либералам, чьи кандидатуры два месяца назад парламентское большинство решительно отвергло. Но вряд ли Народная рада ограничится этим, когда есть возможность поменять руководителей некоторых ключевых министерств. Впрочем, МВД и КГБ к ним, наверное, не относятся. По крайней мере, возглавляющие их А. Василюк и Н. Голушко заявили о своей готовности служить независимой Украине, а в их высоком профессионализме вряд ли кто сомневается.

Иначе предлагает действовать народный депутат Украины Степан Хмара. По его мнению, Кабинет министров пока что трогать не надо, зато необходимо немедленно отправить в отставку Председателя ВС и распустить парламент, состав которого не соответствует нынешней расстановке политических сил в обществе. И только после выборов ВС провести референдум в подтверждение Акта о независимости.

Вариант Хмары сводит к минимуму возможность проиграть референдум, ведь выборы в ВС будут его своеобразной репетицией. Но вряд ли Народная рада пойдет на то, чтобы Украина в такой непростой период целых два месяца жила без высшего законодательного органа.

«Российский десант»

Его приезд в Киев был для украинского руководства неожиданным, но в сложившейся ситуации желательным. Заявление пресс-секретаря Президента России о возможности пересмотра границ с республиками, которые собираются выйти из Союза, встретило все политические силы Украины. По словам народного депутата республики Ивана Зайца, прежде всего это было рассчитано на люмпенизированную часть русскоязычного населения Украины. С другой стороны, заявление способствовало консолидации малочисленных групп украинских националистов, выдвигающих лозунг «Украина для украинцев».

Девятичасовые переговоры российской и украинской делегации при посредничестве группы народных депутатов СССР завершились подписанием совместного коммюнике. Главное в нем — стороны со-

гласились «предпринимать совместные действия для недопущения неконтролируемой дезинтеграции союзного государства» и подтвердили отсутствие территориальных претензий друг к другу. Пока велись переговоры, на площади перед зданием ВС родилась легенда: мол, когда вице-президент России Александр Руцкой зашел к Председателю ВС Украины Леониду Кравчуку, тот достал карту Киевской Руси и сказал: «Вот где наша граница».

Если руководство Украины прежде всего ожидало отказа от территориальных споров, то гостей очень беспокоила судьба вооруженных сил, дислоцированных на Украине. И особенно ракетных войск стратегического назначения. Сошлись на необходимости создать систему коллективной безопасности и не принимать односторонних решений по военно-стратегическим вопросам.

А на следующий день Кравчук встретился с командующим военными округами, расположенными на Украине. По свидетельству Леся Танюка, первая реакция военных очень неожиданная и положительная. К примеру, командующий Киевским военным округом генерал Чечеватов заявил, что готов служить в украинской армии. Это обрадовало и одновременно насторожило депутатов. Особого доверия к генералам нет, каждое их действие рассматривается сейчас сквозь призму возможности нового путча, но ужев масштабам республики. Однако, несмотря на некоторые опасения, руководство Украины действует очень решительно. Заместитель председателя «Руха» народный депутат Украины Микола Порковский уверяет, что национальная гвардия будет создана через несколько дней, а немного позже военные, служащие на Украине, присягнут ей.

Он же считает визит российской делегации попыткой притормозить строительство независимого украинского государства.

86 и 7

Александр КАКОТКИН

Сегодня пока рано судить, как сказалось поведение президента Грузии в дни путча на его авторитете среди населения республики. Но уже можно говорить о падении его престижа в национальной гвардии. Последняя устами своего командующего Тенгиза Кетовани отказалась подчиняться власти президента республики.

Первые симптомы конфликта стали намечаться еще до событий 19—21 августа. По информации, имеющейся у военной разведки Закавказского военного округа, гвардейцы уже давно высказывали недовольство низкой зарплатой (рядовой состав получает 50 рублей в месяц) и плохими бытовыми условиями. По этим же данным, в офицерский состав гвардии просочилось немало бывших командиров разгромленной в феврале крупнейшей оппозиционной вооруженной группировки «Мхедриони» («Всадники»). Они тоже сумели провести определенную «подпольную» работу в настроениях личного состава». Дело дошло до того, что в гарнизоны Советской Армии, расположенные в Гори и Вязани, стали обращаться командиры окрестных частей гвардии с просьбой помочь в поимке дезертиров, уходящих целыми подразделениями.

Президенту Грузии во время переворота пришлось делать трудный выбор. С одной стороны, положение Гамсахурдиа, столько говорившего о демократической независимой Грузии, обязывало его поднять народ на борьбу с ГКЧП. В этом случае 15 тысяч национальных гвардейцев должны были стать главным вооруженным отрядом сопротивления. С другой — это означало бы ввергнуть республику в открытый конфликт с войсками Закавказского военного округа.

По словам исполняющего обязанности командира одной из дивизий, в случае военной конфронтации против национальной гвардии немедленно были бы брошены силы, вчетверо превосходящие ее по численности. Исход возможного столкновения у военных сомнения не вызывает.

19 августа Звиад Гамсахурдиа, оценив ситуацию, похоже, решил пойти с «оккупантами» на компромисс. На его встрече с командующим ЗаВО Валерием Патрикевым и замминистра обороны Владимиром Шуралевым были определены условия. Президент и командующий по телевидению призвали население республики к спокойствию. Национальная гвардия была

Заботы Звиада Гамсахурдиа

преобразована в спецподразделение МВД и отправлена до 3 сентября за город на учения. Со своей стороны, военные пообещали не предпринимать никаких акций по чрезвычайному положению. Дни путча прошли на удивление спокойно, население с пониманием отнеслось к призывам президента.

Зато возмущалась национальная гвардия, выведенная в район местечка Ркони. Уже 20 числа в Тбилиси появились подписанные ее руководством листовки, в которых Звиад Гамсахурдиа обвинялся в коллаборационизме. Последовал указ президента о смещении командующего гвардией, который тот отказался выполнять.

Тем временем в самом Тбилиси ряд партий и движений выступил с резкой критикой руководства республики за поведение во время путча. Общество Ильи Чавчавадзе даже потребовало публичного отчета руководителей Грузии. В листовках, распространяемых по городу, уже требуют судить Гамсахурдиа за предательство. Участились разговоры о том, что февральский разгром базы «Мхедриони» был результатом сделки президента с командованием «оккупационной армии». Положение президента стало довольно неуютным. Военные в частных беседах не исключают обра-

щения Гамсахурдиа к ним за помощью. Хотя он вряд ли сделает это открыто, ибо тогда может попросту начаться гражданская война...

Что же дальше? Теперь у Гамсахурдиа, чтобы удержать свой пошатнувшийся авторитет, есть два пути. Первый — отказ от воинственной риторики и активная, нелегкая работа по достижению согласия между различными политическими и национальными движениями. Второй, не без успеха применявшийся им прежде, — попытка консолидировать нацию путем создания очередного образа врага. Поскольку центр на эту роль уже явно не годится, а предъявлять претензии к России как-то неудобно, то на роль врага должны готовиться либо соседние республики, либо опять собственные автономии. Объявленное в прошлый понедельник намерение Звиада Гамсахурдиа попросить у парламента чрезвычайные полномочия в отношении лидеров Абхазии и Аджарии, кажется, свидетельствует, что вероятнее второй вариант. Если парламент согласится, президенту снова понадобится национальная гвардия. По данным армейской разведки, в районе Ркони находятся около 3 тысяч гвардейцев, сохранивших верность Тенгизу Кетовани, и что у них на уме, пока неизвестно.

Согласно социологическим опросам, большинство населения Украины поддерживает провозглашение ее независимости. К примеру, так считают 86 процентов киевлян, опрошенных Центром социально-экономических исследований «ТИННИ-Социо». Против самостоятельности Украины высказалось только 7 процентов опрошенных. До неудавшегося путча желающих жить в Союзе было заметно больше.

Оптимистически настроены и руководители Украины. Председатель ВС Леонид Кравчук говорит: если 1 декабря люди поддержат Акт о независимости, за признанием Украины международным сообществом дело не станет.

Единственное, что может изменить отношение большинства жителей республики к независимости Украины, — разжигание национальной розни, территориальные претензии к ней.

Владимир РУБАН.

Киев. Дружеским рукопожатием вице-президента России Александра Руцкого и Председателя Верховного Совета Украины Леонида Кравчука завершились трудные переговоры в Киеве.

Фото В. РЕПИКА.

Нынешним летом «Нью-Йорк таймс» опубликовал статью побывавшего в Москве Абрама Брумберга из Вашингтона — «Семья Яковлевых». В ней говорилось обо мне и моем сыне.

«Егору Яковлеву 61 год. Это человек с беспокойным взглядом, изборожденным морщинами лицом, на котором, как мне показалось, навсегда застыло хмурое выражение. Историк, сценарист и журналист, он с 1986 года возглавляет «Московские новости» — в прошлом трескучий пропагандистский орган, а сейчас один из наиболее живых советских политических еженедельников. Владимиру Яковлеву 32 года. Строен, худощав, спокоен и предпочитает простые костюмы «делового покроя». Как и отец, он разносторонен... Так же, как и отец, он главный редактор еженедельника «Коммерсантъ». Но в отличие от отца его мало занимают политические баталии, и он не спорит ночи напролет о том, на чьей же на самом деле стороне Михаил Горбачев. Его главная забота, как сказал он мне, когда я был в Москве, это помочь советским людям использовать «растущие возможности организации нормального общества для их занятий экономической деятельностью...» Контраст между Яковлевым-старшим и Яковлевым-младшим отражает глобальный процесс, идущий в советском обществе: возрастающие противоречия между старшим поколением, воюющим с ненавистной номенклатурой, и новым поколением, которое относится к этой номенклатуре скорее с презрением, чем с враждебностью. Само отношение к политике этого поколения определяется чисто прагматическими соображениями. Яковлев-старший — характерный представитель той группы, которую часто называют «шестидесятниками». Многие из них ранее состояли

в партии. В 1956-м они приветствовали хрущевскую «оттепель». Когда же она почила в бозе, влились в ряды активных (а чаще пассивных) диссидентов. В 1986 и 1987 гг. становились горячими приверженцами Горбачева. Однако, посчитав, что тот предал перестройку, становятся спустя пять лет такими же горячими его противниками... Многие представители этой группы, отдают они себе в этом отчет или нет, унаследовали традиционные для этой страны политические черты: тенденцию делить мир на врагов и друзей, а также слабость к апокалиптическим прогнозам в развитии событий. Поколение, к которому принадлежит Яковлев-младший, не испытало на себе страхи былых времен, не переживало надежд и разочарований времен Сталина, Хрущева и раннего Брежнева. Как и многие его сверстники, он не вступил в партию. Признавая силу аппарата, он тем не менее убежден в неминучести — раньше или позже — его кончины. Рыночные отношения, смешанная экономика уже сейчас становятся реальностью — и от Яковлева-младшего, его сверстников зависит, насколько все это будет эффективным». И так, новые предприниматели — по сути дела, возрождающийся средний класс — прагматики. Водораздел между новыми предпринимателями и старыми реформаторами нарастает еще и потому, что ни те, ни другие всерьез не интересуются друг другом. Поэтому Западу следует не только следить за борьбой, ведущейся первой группой, но также — и даже в большей степени — за деятельностью второй группы, от которой может в конечном итоге зависеть судьба Советского Союза.

Освобождение

Егор Яковлев: К началу реформ ты уже был человеком с профессией — журналистом, успевшим поработать в нескольких вполне регулярных изданиях. Как относился ты к происходящему, что думал о своем будущем?

Владимир Яковлев: О будущем тогда, признаться, я не слишком задумывался. И это начинало меня слегка волновать. Не будущее, как таковое, а отсутствие представлений о нем. Но была работа, для меня безумно интересная.

Журналистика в те времена была, конечно, нездоровой, но в то же время поразительно увлекательной. Нездоровой потому, что оставалась лишь частью системы, в сути своей противостественной и античеловечной. А увлекательной не только из-за того, что давала ту или иную возможность высказаться. Статьи вызвали административное реагирование, которое само по себе есть неотъемлемая часть административной системы. По сути, конечно же, ничто не менялось, но какие-то волны все-таки расходились. С глобальной точки зрения это были микроразменения, а с личной, журналистской добиваться их было

чрезвычайно интересно. Меня увлекала игра — добывание информации, игра с журналистским удостоверением, игра с газетным начальством, когда надо было склонить его на публикацию статьи. Это было увлекательно. Давало некоторый смысл существованию и определенное социальное положение.

Е. Я.: Твоя первая напечатанная статья в «Советской России», как я помню, рассказывала о кланерах в Большом театре, о том, как солдаты оплачивают им аплодисменты, дают билеты, которыми те спекулируют.

В. Я.: Неплохой пример той ролингудовщины, которой я был увлечен. Мы привлекали милицию, связывались с КГБ, действовали ночью, мои ребята дежурили у всех выходов из Большого театра, фиксировали появление кланеров. А когда статья появилась, о ней заговорили, конечно же, было приятно. Тогдашний премьер Тихонов прямо на статье начертал указание министру культуры: срочно принять меры. Какие меры, к кому? Все это было не борьбой с существовавшей системой, а игрой внутри нее.

Е. Я.: Для тебя существовали авторитеты, идеальные лидеры, то, что принято называть вождями?

В. Я.: На уровне примитива. Ленин в моих глазах не был однозначен со Сталиным. Казалось, если говорить очень грубо: Ленин совершил нечто неплохое, а Сталин испортил. Но это не было результатом самостоятельных раздумий. Скорее воспринятое извне и в какой-то мере — самостраховка. Как и ты, я был человеком, готовым играть внутри системы. Для этого нужны какие-то идеалы, какие-то положительные образы. Если их нет, то нужно ломать систему, уходить из нее. Я же не относился к числу людей, которые были к этому готовы.

Е. Я.: Или не имел особых идеалов...

В. Я.: В моей тогдашней ситуации это сложно различить. В отличие от тебя я не видел ничего другого. У тебя были 60-е годы. Ты хоть однажды понял: общество может быть изменено. Ты поверил: при стечении некоторых обстоятельств многое можно перетряхнуть. А я до начала реформ не видел ни одной встряски.

Е. Я.: И пришел год 1985-й. Появился Горбачев, а с ним и первые проблески реформ. Как ты воспринял все это?

В. Я.: Моя реакция не отличалась от общежитийской: наконец-то хоть что-то происходит. Сперва удивление, потом уверенность в значимости происходящего. Хотя на самом деле ничего особенного не происходило: все первые устремления Горбачева были лишь частью все той же системы. По-настоящему новое начинается только сейчас.

Тогда я этого не понимал, но вот что странно: действовал так, словно мне это было ясно. Поворот в моей жизни определили не политические реформы, а факт собственной биографии: меня выгнали из журнала «Работница» после того, как мы — там была целая команда молодых ребят — попытались сделать из нее «новый журнал». Не произошли этого, жизнь, наверное, сложилась бы иначе.

Е. Я.: Мне тоже кажется, что вот такие, чаще всего неожиданные, удары извне, которые меняют жизнь не по собственной воле, а благодаря внешним обстоятельствам, играют исключительную роль в становлении личности, определении ее дальнейшей судьбы. Мне четырежды, и отнюдь не по собственному желанию, приходилось начинать жизнь практически с нулевого цикла, и теперь, если я и благодарен Коммунистической партии, в которой долго состоял, то прежде всего за то, что она не раз выгнала меня с работы, освободила от должностей, как бы заботясь, чтобы я оставался в форме.

В. Я.: Но есть некоторая разница в твоих партийных ситуациях и в том, что произошло со мной. Пони-

РАЗГОВОР

Мы развязались в системе,

маешь, наши отношения с системой были различны. Ты был ее частью. И тебе, так или иначе, находили в ней место. Я же, когда меня выгнали из «Работницы», места для себя в системе не нашел или, по крайней мере, долго не мог найти.

Е. Я.: Ты хочешь сказать, что выпал из государственного кругооборота?

В. Я.: Меня из него вытолкнули. И некуда было деваться, в общем-то, я оказался на улице. А надо было что-то есть, каким-то образом кормить жену. Старался заработать на жизнь. Попробовал себя в роли квартирного маклера. Что-то получалось, что-то нет. Во всяком случае я имел на пропитание. Но важно другое: я вдруг перестал воспринимать себя частью системы. Просуществовал год вне ее. И этого оказалось достаточно, чтобы понять: я и система не одно и то же.

Е. Я.: И тем не менее через год ты пошел работать в «Собеседник», а потом в самый модный в начале перестройки журнал «Огонек».

В. Я.: В «Собеседник» пошел потому, что давал о себе знать комплекс уволенного журналиста: хотелось вернуться. Но попал туда уже другим человеком. Ушло ощущение постоянной, я бы сказал, кровной зависимости от редакции, от шефа. Если он вызовет меня и скажет: ты мне надоед, уходи отсюда, я пожму плечами, уйду и ничего страшного не произойдет. И в «Огоньке» мне было неинтересно. Я пытался выйти на прежние темы, связанные с той игрой, которой так дорожил. И не мог. Было обидно, что утратил прежние чувства и не мог понять, что со мной происходит. Написал о люберах — фашиствующих мальчишках из подмосковного города Люберцы. Было много шума, разговоров. Но и это уже не вдохновляло. Раньше, берясь за подобную тему, ты был как бы один на один со злом. А теперь действовал на общем направлении и в едином строю. Ушла исключительность. Потом появился кооператив и все отошло на второй план.

Е. Я.: И для меня ты как бы заново родился. На пустом месте, имея капитал, если я не ошибаюсь, в пределах полсотни рублей, создал кооператив «Факт», следом газету «Коммерсантъ», агентство «Постфактум». За пять лет сложил ту структуру, которой теперь руководишь. Сколько людей в ней занято?

В. Я.: Если судить по ведомостям зарплат, за полторы тысячи человек.

Е. Я.: Каким капиталом располагает «Факт»?

В. Я.: На это трудно ответить. Думаю, что суммарный капитал всех отделений, включая рыночную стоимость имущества и акций, около 300 миллионов рублей. Не подумай, что я стопроцентный владелец всего этого. Мне просто принадлежит часть акций.

Е. Я.: Мне никак не удавалось ни понять тебя, ни согласиться с тобой. Даже в самой малости: в готовности получать заработанные деньги не через окошко государственной кассы, а где-то в другом месте. Ты начал действовать в неведомом мне поле — согласишься, это уже повод для родительских переживаний. И действовал вопреки сложившимся о тебе представлениям. В семье — и ты об этом знаешь — немало переживали из-за твоей инфантильности в школе, в университете, даже на первых порах в газете. Это было как бы семейной аксиомой, не требующей доказательств, а потому и не зовущей к размышлениям о причинах. Я, во всяком случае, чаще всего грешил на наше семейное воспитание. И был, как понимаю теперь, не прав. То, что мы торопились списать на инфантильность, не только твою, но и твоих сверстников — им безразлично то, что в их возрасте нас увлекло, — было иным. Это было вырождением.

Нет, не вырождением личности как таковой, а вырождением человека в системе. Моего поколения еще коснулся тот водоворот, который был начат революцией и бесчеловечно продолжен теми, кто ею воспользовался. А к твоему времени энергетический поток оказался исчерпан. Наверное, мы были первыми, кто осмысленно пытался высвободиться из этого водоворота. И кое-что удалось. Удалось развязать себя внутри системы. Следующий шаг сделал ты, твое поколение. Вы отвязались от системы. Не захотели растрачивать силы на ее улучшение и вышли из этого ледяного дома.

Предприниматель

Е. Я.: Ты занялся кооперативом, и все отошло на второй план. Как это произошло?

В. Я.: Случайно. Мой приятель решил заработать деньги и зан. кооперативом, которому предстояло вязать кофточки или что-то в этом роде. Меня же он попросил помочь в регистрации кооператива. Тогда это было бесконечно сложным делом, и мы договорились: корреспондент «Огонька» я буду проводить нечто вроде эксперимента. В редакции об этом понятии не имели. Я же вел тяжбу с Мосгорисполкомом, проводил через канцелярии документы. И понял: мне это нравится. В этом было созидание, возможность делать практическое добро, то есть именно то, чего в последнее время мне не хватало в газете.

Кооператив мы зарегистрировали. Он начал работать. А я после регистрации естественным порядком оказался не у дел. Теперь уже не помню, как родилось желание попробовать что-нибудь свое. Помню другое: когда мы бывали в Мосгорисполкоме, там сидело множество людей, которые тоже мечтали своих кооперативах. Они терпели, ожидали очереди, чтобы задать те вопросы, на которые мы уже знали ответы. Наш кофточник кооператив был вторым или третьим в Москве. Так и родился «Факт», который отвечал на вопросы будущих кооператоров. Сегодня «Факт» к этим игрушкам не имеет отношения, но начинался с этого.

Е. Я.: Как ты перешел от кооператива «Факт» к газете «Коммерсантъ»?

В. Я.: Тоже случайно. Кооперативы росли как грибы. И началось движение за создание Союза кооператоров. Частично как ответ на социальное давление, а еще больше как борьба различных групп за влияние на кооператоров. Собрался съезд. И Артем Тарасов сообщил, что на нем присутствует академик Владимир Тихонов — это всех обрадовало: народный депутат СССР, уважаемый академик и вдруг почтил кооператоров своим присутствием. Тогда кооператоры испытывали огромный комплекс социальной неполноценности, это теперь они люди, свободные от комплексов. А когда зашла речь о председателе союза, тот же Тарасов предложил избрать Тихонова. И снова все обрадовались, тут же проголосовали. Мне, признаться, это надоело, и я вернулся в контору. Вскоре ко мне приехал Тарасов — за это время он успел стать вице-президентом и уже принялся решать первоочередные задачи Союза объединенных кооператоров. Главным, по его мнению, было начать выпускать газету. Сделать это решили поручить мне. Сперва я пожал плечами: пустая затея. Но все-таки написали бумагу, и я стал выяснять, каким образом можно зарегистрировать газету.

Оказалось, что летом 88-го года никто этого не знал. В Комитете по печати мне ответили, что не могут зарегистрировать без разрешения ЦК КПСС. А в ЦК сказали, что они газеты не регистрируют, обращайтесь в Комитет по печати. Так я и мо-

С СЫНОМ

ни сумели от нее отвязаться

тался с Пушкинской площади на Старую. Все-таки уговорил отдел ЦК, который курировал кооперацию. Наврал при этом с три короба, убеждая, что необходимо правильно воспитывать кооператоров. Честно говоря, им просто некуда было деться. Пока они все от себя отпихивали, я демонстративно делал газету, набирал людей, тратил деньги. Между делом мы выпустили два рекламных номера — этого от нас вообще не ждали. Отправился с ними в Главлит. Тогда уже рекламу можно было выпускать без цензуры. Цензоры говорят: это газета, а не реклама. Я свое: нет, реклама. Они: нет, газета. Я: это реклама, она просто очень похожа на газету, потому что это реклама газеты. Вдохнули и согласились. «Коммерсант» зарегистрировали в конце декабря 88-го, за три дня до «ода первого номера».

Я.: А ведь в другое время у тебя бы это не вышло. Говорю лишь потому, что для тебя решающим представляется обретение внутренней независимости. Когда-то она открывала путь лишь в подпольный издат. Твое время совпало с теми процессами, которые были начаты в стране реформами Горбачева. Что ты думаешь о нем?

Я.: Он честно сделал свое дело и большой молодец потому, что сумел его сделать. Человек, который в общем-то был достойным, разумеется, за какими-то исключениями. У другого, наверное, исключений было бы больше.

Я.: Ты говоришь в прошедшем времени. Для тебя Горбачев как политик сегодня не существует?

Я.: Вчера и даже позавчера. По крайней мере как самостоятельный политик, способный двигаться вперед. Он уже сделал то, что мог и должен был сделать.

Возвращение к политике

Я.: Мы снова заговорили о политике. Ты и сейчас к ней столь же безразличен, как и во времена обретения независимости?

Я.: От большой политики в определенном смысле зависит тот процесс созидания, которым я занят. Но в то же время я понимаю: нынешние политические процессы уже не в состоянии непосредственно влиять на происходящее в стране. Деловые круги приобретают все большую самостоятельность, и я не могу, право же, вообразить себе такое политическое решение, которое положило бы конец их деятельности. Да, Горбачев может принять указ, который не понравится деловым кругам или тому же «Коммерсанту», но от этого они не перестанут существовать, как не перестанет выходить «Коммерсант».

Сегодня не существует разделения между государственной системой и негосударственной. То, что раньше именовалось альтернативной экономикой, слава Богу, забытое слово. Есть экономика страны, она развивается как некий единый механизм. Попробуй найти государственное предприятие, которое бы не получало денег от частной собственности, не взаимодействовало бы с ней. При каждом государственном предприятии есть два, пять, десять кооперативных, акционерных, частных структур.

Я.: В действительности все было иначе, чем на самом деле, — так получается? С высоких трибун низвергаются водопады слов об утверждении рыночных отношений, о смешанной экономике, а в действительности это уже существует? В этом ты стараешься убедиться?

Я.: Я хочу убедить и своих коллег, и западных журналистов, казалось бы, в очень простой истине. Но это не всегда удается. В стране идет — и идет чрезвычайно активно — процесс нормализации жизни. Во всех направлениях. Но куда привычнее взгляд на советскую жизнь как на глубоко ненормальную. Установилось мнение-привычка: Советский Союз — страна дураков, где

все делается здравому смыслу вопреки, совершается почти невозможное, чтобы всем было неудобно. Такой страны уже нет. Однако распрощаться с образом страны дураков многим не под силу. Молодые западные журналисты, которые к нам недавно приехали, еще могут это понять. А те, кто долгие годы жил в Советском Союзе, писал о нем, просто не в состоянии отказать от уверенности, что при любых обстоятельствах они умнее всех в этой стране, на которую смотрят сверху вниз.

Да и мы сами прежде всего сосредоточены на поисках хоть чего-нибудь ненормального, дурацкого, а проще говоря, примет былых времен — они нужны как воздух, которым давно привыкли дышать. А на самом деле утверждается жизнь, проходящая по нормальным законам, нормализующаяся от дня ко дню. И тот же «Коммерсант» — часть этой нормальной жизни. Он не посылает проклятия по адресу бывшей системы, а старается предоставить людям информацию, которая поможет им заниматься своим делом.

Я.: Но дело это лишь на определенном уровне и в достаточно ограниченной сфере. Мне представляется, например, что один из самых больших просчетов перестройки заключается в том, что твое поколение все еще не вышло на политическую арену, практически не участвует не только в большой политике, но и в управлении ее регионами.

Я.: Ты в этом уверен?

Я.: Да. Разве ты можешь назвать лидеров из своего поколения, решающих проблемы большой политики?

Я.: А ты не обращаешь внимания на очень любопытную особенность наших дней: какие решения, принятые на уровне Союза, республик, областей, осуществляются на практике, а какие нет? Горбачев подписал указ, позволяющий вламываться в каждую контору, вскрывать сейфы, потрошить бумаги. Уже давно подписал, а указ не работает. Реализация этого указа, как и любого ему подобного документа, зависит от нижнего этажа исполнительной власти. А этот этаж давно и полностью связан с теми людьми, которые, как ты говоришь, не участвуют в управлении. Да, они не принимают решений в масштабах страны, но у них есть возможность наложить вето на исполнение решений по отношению к ним самим. Исполнительный аппарат зависит от них даже не на уровне предметов роскоши, а — в сегодняшних рыночных условиях — на уровне еды в холодильнике: для себя и для своих детей.

Я.: Взятки?

Я.: Да нет, все сложнее. Со взяткой или того, что принято считать взятками, началось. Сейчас иначе. Исполнительная власть, по крайней мере ее нижние этажи, непосредственно участвует в деловой игре, в коммерческой жизни. Они не взяточники, они теперь уже полноценные игроки, составляющие довольно серьезно прослойку советских деловых кругов. И они не допустят, чтобы было осуществлено решение, направленное против того, от чего зависит их существование. Никогда! Во всяком случае при сегодняшнем раскладе карт.

Я.: При нынешнем раскладе карт — так ты сказал. А расклад этот ненормален. Должны прийти новые люди, твое поколение, чтобы защитить себя не взятками, а установлением соответствующей политической системы.

Я.: Со временем, естественно, произойдет смена играющих в парламенте. Другие люди будут делать политику. Но мое поколение это не слишком привлекает. Если бы мне предложили сегодня стать депутатом парламента, я бы отказался. И если бы позвали в команду Ельцина, я бы тоже отказался. Мне это неин-

тересно. И множество людей, которых я знаю, поступили бы точно также.

Я.: Ты говоришь все время о нормализации жизни, а повсюду толкуют о голоде. Разве можно принять за нормальную сферу нашего потребления?

Я.: Она нормально ненормальна. Во-первых, это прямой, логичный результат того, что было в нашей стране, и, во-вторых, отвечает тем процессам, которые пошли в обществе. Пошли, но не закончены. И набирают силу. В ближайший год наш потребительский рынок претерпит изменения буквально во всем — в наборе товаров, в количестве денег у населения, в возможностях делать покупки. Я знаю это, потому что чувствую темп деловой активности.

Я.: Ты не учишься лишь одного: в какой мере нынешнее общество не воспринимает то, что для тебя норма. Свободный рынок, разделение на богатых и бедных, прежде всего на богатых. Как велико социальное противостояние?

Я.: Прости, но ты напомнил мне корреспондента журнала «Тайм» в Москве, с которым я на днях разговаривал. Я и ему говорил о процессе нормализации. А он мне в ответ: мой знакомый советский бизнесмен купил себе не то «мерседес», не то «жигули», поставил у дома, и машину разбили. Разве это нормально? Соглашайся: конечно, ненормально. И спрашиваю в свою очередь: в Америке такого не могло быть? Нет, не могло. Здорово! А теперь представьте себе, что некий нью-йоркский миллионер купил красивый «порш» и на ночь парковал его в Гарлеме. Что будет? Корреспондент из «Тайма» признается: на следующее утро «порш» разнесут к чертовой матери!

В этом и дело! Не в социальных различиях, а в том, что в Америке все началось не сегодня. И миллионеры появились не вчера. И сложилась система жизни, соответствующая социальным различиям. Обеспеченные люди живут в одной части города, а Гарлем находится в другой. У нас же так долго действовала система социально-распределительного равенства, в том числе и с жильем, что все оказались в Гарлеме.

Я.: А ты на себе не испытываешь неприязни окружающих, как предприниматель и весьма преуспевающий?

Я.: Нет. Социальный статус предпринимателя за последнее время чрезвычайно изменился. Люди, которые еще три года назад смотрели на предпринимателя как на изверга рода человеческого, относятся к нему с уважением, стремятся вместе работать.

Я.: Есть страна, которая бы тебя особенно располагала: своей политической системой, жизненным достатком?

Я.: Нет. Есть общемировой и общезвестный набор истин для цивилизованного государства. Разумеется, должны быть границы концентрации средств в одних руках, когда они перестают быть средством созидания, а превращаются в личный политический капитал. Но и здесь существует отработанная система защиты общества.

Я.: У тебя возникает желание уехать из страны?

Я.: Я не хочу уезжать. У меня есть, скажем, открытая виза во Францию, и я могу улететь туда, когда мне вздумается. Так и с любой другой страной. Проблемы отъезда на том уровне, на каком она могла быть для меня несколько лет назад, теперь не существуют. Тогда это означало строительство жизни заново там, куда ты уехал. У меня нет такой необходимости. Иное дело, если мне захочется изменить направление своих занятий, появятся другие интересы. Тогда, возможно, я уеду, а точнее, отъеду на какое-то время, если это будет соответствовать моим новым интересам. Точно так же, как в один прекрасный день я могу для себя решить: почему бы не съездить в Петербург и не пожить там.

Что дальше?

Я.: Так что же дальше? Еще пять лет назад ты не слишком задумывался о будущем. А теперь? Собираешься расширяться и развиваться?

Я.: С первого октября «Коммерсант» начнет выходить на 32 полосах вместо 16. С начала будущего года мы думаем начать вы-

пускать ежедневную газету. Мне очень хочется завершить некоторую самодостаточную издательскую систему. Это информационное агентство, ежедневная газета, еженедельник — единый комплекс.

Есть возможность и дальше двигаться по горизонтали, все больше расширяясь, все больше зарабатывая денег. Но это, на мой взгляд, холостой ход. Мне дорог процесс созидания. Конечно, деньги играют в нем большую роль, но как инструмент, как кирпич или доска — не более того. Поэтому к деньгам я не стремлюсь. Людям, которые ко мне обращаются, я очень легко отдаю деньги, во всяком случае в определенных суммах. Кто-то воспринимает это как манерничанье или каприз. Это не так. Просто те, с кем я имею дело, представляют для меня ценность, а деньги — нет. И я отдаю их с тем, чтобы об этом было забыто.

Я.: Наверное, тебе удастся создать тот законченный комплекс, о котором ты говоришь. В чем тогда будет процесс созидания, прежде всего для тебя самого? Все завершное и законченное неминуемо вызывает отторжение у автора.

Я.: Моя жизнь разделена как бы на отдельные куски. Один до окончания университета — его трудно определить. Другой — работа в государственных изданиях. Потом кооператив. Нынешние дела. И есть ощущение завершенности каждого из этих кусков. Наверное, потому, что жизнь — это процесс постижения мира, который начинается с рождения и продол-

как никогда раньше, не торопился возражать. Многое понял.

Скажу лишь об одном. Время, которое стало судьбой моего поколения, было соткано из противоречий — очевидных и скрытых внутри нас. Оно развело людей, складывало противоположные личности. Одни, кто не мог, кому не представлялось обстоятельством обрести свое, нет, не поле, а хотя бы клочок, где можно было бы воплотить себя, все больше погружался в свой внутренний мир, сосредоточивался на нем, обретая в этом форму самосохранения. Другие действовали вовне, пусть не всегда, пусть через раз, но подчиняясь правилам системы, расплачиваясь за это своим «Я», своим внутренним миром.

Крушение диктатуры и здесь принесло избавление. Я счастлив, что сын идет по жизни так, как он считает для себя нужным. И каждый сделанный им шаг находит отклик внутри него, сочетается с его представлениями о добре и зле. Быть может, это и есть самое важное, что произошло на моей земле в последние годы.

...Четверть века назад, и даже более того, увидела свет одна из первых моих книг. Я размышлял в ней над проблемой отцов и детей. И называлась она «Я иду с тобой», подтверждая, что я готов во всем продолжить путь своего отца — тогда мне представлялось это возможным. А посвящалась книга сыну. «Сыну Вовке, участнику будущих споров, посвящаю», — писал я тогда. Писал и представить себе не

жается до самого конца или до того, что, согласно распространенным убеждениям, мы считаем концом. Возможно, завершается еще один кусок моей жизни и начинается другой.

Я.: Какой же?

Я.: Это уже совсем из иной области. Меня все больше занимает понимание мира как целостной системы и того, что в нем нет ни хорошего, ни плохого, занимает отношение к смерти, к тому, что происходит с нами после нее. Поколения людей жили над этим голову, проходили через это и, наверное, что-то в этом для себя находили. Есть вещи, которые невозможно объяснить, их можно стараться постичь или не постигать.

Я.: То, о чем ты говоришь, и та работа, которой ты сутками занят, совместимо ли то и другое?

Я.: С трудом. Это принципиально разные вещи. Я пытаюсь найти какой-то компромисс и очень надеюсь, что мне это удастся.

***
Не знаю, был ли вам интересен мой разговор с сыном. Мне — бесконечно, как открытие другого мира, где жизнь раскатывается совсем иначе, чем та, которую ты прожил. Я спрашивал, слушал и, пожалуй,

мог, какой разговор произойдет у нас с сыном четверть века спустя. Каким станет сын... И каким другим буду я...

Жизнь!

Р.С.: Этот разговор был записан за несколько дней до черного понедельника, когда путчисты попытались взорвать жизнь, которая, по мнению сына, все больше нормализуется. Взорвались и суждения американского коллеги из «Нью-Йорк таймс»: мое поколение оказалось, увы, право в своих «апокалиптических прогнозах», а безразличная, на его взгляд, к политике молодежь прежде всего и отстояла «Белый дом». Все более утверждающая себя масса новой жизни оказалась намного прочнее, чем полагали мятежники. Впрочем, не только они.

Беспокоит одно. Пошел новый круг смещений и назначений, пожалуй, самый широкий за время реформ. И в должности вновь вступают все те же шестидесятники, все то же уходящее поколение. Обидно и тревожно.

Фото Владимира ЖАРОВА.

По некоторым данным, Язов откасался от адвоката Анатолия Фокова, Плеханов в самом начале отверг назначенного ему адвоката Олега Ефрекина. Последний представляет так называемую спецколлегию.

Не ясно, почему именно к ней обратились в поисках защитников. Но понять Плеханова можно. Ему, как генералу КГБ, должно быть хорошо известно, что адвокаты именно этой коллегии имели так называемые допуски во времена диссидентских процессов, и Комитет госбезопасности вполне им доверял. В отличие от клиентов. Здесь собраны бывшие следователи, прокуроры, военные.

Понимая, какие противоречивые чувства боролись в душе адвокатов, «севших» в это дело, я решила задать одному из них — Генри РЕЗНИКУ — все те вопросы, которые ему еще не раз будут задавать в ближайшие месяцы. Мы встретились сразу же после его первого знакомства с подзащитным — 60-летним бывшим начальником службы охраны КГБ СССР Плехановым.

— Вам удалось побеседовать наедине?

— Мы говорили два часа, потом я присутствовал при допросе. Подследственные находятся в Матросской Тишине, в специальном изоляторе. Он был создан для высокопоставленных чиновников еще во времена так называемого узбекского дела, дабы изолировать их от общеуголовных преступников. В камерах — по 3—4 человека. Плеханов сказал, что с ним сидят еще двое, «похоже, коммерсанты».

— Генри, мы знакомы не первый год. У Резника слава защитника демократов — «Огонька», «Московских новостей», Льва Тимофеева, политэков, пацифистов-отказников. Меня ты защищал в процессе с «Памятью». Ты — член Хельсинкской группы. 19-го утром был первым адвокатом, пришедшим в редакцию и готовым дать любую консультацию. Почему ты взялся защищать тех, кто разделался бы с тобой и твоими клиентами, окажись в их руках сегодня власть?

— С самого начала я четко представлял себе, что если переворот удастся и меня не возьмут (что было вполне вероятно), то мне предстоит защищать демократов. В том случае, естественно, если бы на страну обрушились репрессии, обличенные в судебную форму. К счастью, всего этого не произошло. Теперь приходится защищать совсем других людей.

— Но ведь можно было отказаться...

— И перестать быть адвокатом. До меня дошли слухи, что некоторые мои коллеги отказались защищать путчистов, мотивируя это

АДВОКАТЫ БУДУТ ЗАЩИЩАТЬ ПУТЧИСТОВ

На сегодняшний день достоверно известны имена нескольких из тех, с кем родственники подследственных заключили соглашение на защиту. Юрий ИВАНОВ будет защищать Владимира КРЮЧКОВА, Александр КЛИГМАН — Виктора ГРУШКО, Алексей ГАЛОГАНОВ — Валентина ПАРВОВА, Генри РЕЗНИК — Юрия ПЛЕХАНОВА.

собственными политическими позициями. Такой адвокат подобен священнику, отказавшему в исповеди, или врачу, отказавшему в помощи по политическим соображениям. Если адвокат не болен, не занят в другом процессе, он не вправе отказать обратившемуся к нему человеку. Любому.

— Почему ты отказываешь адвокатам в праве иметь собственную политическую позицию?

— Неправда. Но в конфликте между гражданской позицией и профессиональным долгом у адвоката нет выбора. Он должен следовать требованиям профессионального долга. Заметь, в международном положении о роли адвокатов сказано: «Адвокаты не должны идентифицироваться с их клиентами и делами клиентов в связи с исполнением их профессиональных обязанностей». Заметь также, что адвокаты были и у сидевших на скамье подсудимых в Нюрнберге. Более того, несколько подсудимых были тогда оправданы.

— Все же странно, что генерала КГБ будет защищать человек, никогда не испытывавший особенно нежных чувств к этой конторе...

— А не странно, что задержанный во время путча Гдлян потребовал адвоката Резника, не раз критиковавшего следствие по узбекскому делу? Даже люди, не симпатизирующие мне, воспринимают меня прежде всего как профессионала. Что же касается Плеханова, то его жена и дочь были первыми, кто обратился ко мне лично с просьбой о защите. Правда, пока я был в командировке, звонили родственники одного из членов ГКЧП. Но меня не было в Москве, и они нашли другого адвоката.

— Как раз в этот день я говорила с твоей женой, и она рассказала, что позвонил человек и представился по фамилии, известной всей стране. Печально известной. Она же, просто не сообразив, что звонит родственник с просьбой об адвокате, ответила: «С такой фамилией сегодня стыдно жить». А общественное мнение тебя не беспокоит? Ты не боишься, что люди попросту отвернутся от защитников путчистов?

— Боюсь, и почти наверняка так и будет. Это легко объяснить. Рядовой гражданин, как правило, чисто психологически отождествляет себя с жертвой, а адвоката с обвиняемым. Но знаешь, что сказал мудрый Мераб Мамардашвили, которому трудно отказать в любви к своему народу и гражданской позиции? «Если мой народ выберет Гамсахурдиа, я буду против своего народа». Я только повторю: если мой народ, включая интеллигенцию, выберет беззаконие и месть, я буду против моего народа. Вообще этот процесс станет еще одним испытанием для нашей демократии.

— Ну не смешно ли: мы придумали закон о защите чести и достоинства президента, по которому привлекали «матрешечников», а не подумали о законе, защищающем самого президента. Никому, видимо, и в голову не приходило, что могут посягнуть не на его честь, а на него лично. Между тем даже в российском законодательстве XIX века первыми главами шло: «О бунте против власти верховной и о государственной измене». Английское уголовное право предусматривает санкции за «посягательство на главу государства и внутреннюю безопасность государства». Что вменяется

Предыдущие революции, надеюсь, нас чему-то научили, и никому сегодня не придет в голову крикнуть вслед за Робеспьером: «Рядом с головой вдовы Капета должна лежать голова ее адвоката». Коль скоро мы не вздернули путчистов на фонари, что делает нам честь, а отдали их правосудию, у них должны быть адвокаты.

вносить изменение в Уголовный кодекс...

— ...то на судьбу обвиняемых это повлиять не сможет, потому что по закону действует норма, существовавшая в момент совершения преступления. А закон, усиливающий ответственность, обратной силы не имеет.

— Не факт, к сожалению, в нашей стране, где именно так, задним числом, расстреляли Файбишенко и Рокотова. Что же касается юридической экспертизы в «МН», то там упоминал другие статьи, по которым путчисты должны нести ответственность. Каковы твои права как адвоката?

— По закону я могу присутствовать при проведении всех судебных деяний, в которых участвует мой подзащитный: допросы, очные ставки, экспертизы...

— Как ты относишься к многочисленным интервью в печати, по радио и телевидению тех, кто ведет следствие по делу ГКЧП?

— Это их личное дело и их право. Единственное, что следователь не имеет права делать, — это давать оценку показаниям подследственных. Это форма воздействия и на самого подследственного, и на общественное мнение. Если тайна следствия не нужна, то давайте тогда объективно излагать показания вне зависимости от того, кому они выгодны — следствию или защите.

НАДЕЮСЬ, в ближайшее время станут известны имена остальных защитников по делу ГКЧП. Пока же можно с уверенностью сказать: присутствие сильных адвокатов у этих подследственных — лучшая гарантия того, что псевдосудебной расправы в румынском варианте у нас не будет.

Наталья ГЕВОРКЯН.

твоему подзащитному при отсутствии у нас аналогичных норм?

— Что в августе он вступил в преступный сговор с целью захвата власти в стране. Статья 64 УК РСФСР — измена Родине. Пока я могу сказать лишь одно: вопреки экспертизе юристов Института государства и права, опубликованной в «МН», считаю, что действия всех обвиняемых изначально не образуют состава преступления «измена Родине», которое им вменяется.

— Ничего не понимаю...

— А немногочисленные юристы в союзном парламенте это сразу поняли. И председатель Комитета по законодательству Юрий Калмыков заявил о необходимости восполнить этот пробел в Уголовном кодексе, сформулировав там самостоятельный состав — «государственная измена». Согласись, есть разница между «изменой Родине» и «государственной изменой». В настоящий момент УК не содержит такого самостоятельного преступления, как «заговор с целью захвата власти». Заговор — лишь одна из форм измены Родине. А последнее раскрывается в законе как «деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР». К тому же понятие «Родина» не тождественно понятию «ваше превосходительство», «товарищ генеральный секретарь» или «господин президент»...

— Но даже если сейчас спешно

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В моем романе «Завтра в России», опубликованном в Москве три месяца назад (в Болгарии — в 1990 г., а в Нью-Йорке — в 1988 году), был предсказан не только антигорбачевский заговор председателя КГБ, министра обороны и партийных функционеров, не только дата ареста Горбачева и содержание его на даче под охраной и в изоляции от мира, не только попытка, объявив Горбачева больным, править страной от его имени и не только всенародное восстание против узурпаторов кремлевской власти. Но были там предсказаны и угар победы, самосуд над милицией и КГБ, разбитые вино-водочные магазины, линчевание партийной номенклатуры и грабежи их квартир, дезертирство нерусских солдат из армий и массовые побеги уголовников из тюрем.

Поскольку действительность во

Помилуйте врагов своих!

многом следует первой фазе этого сценария, я прошу всех, кто стоит у власти в России, упредить намеченный в романе сюжет, прервать ожесточение исторической фабулы. И мне кажется, что решающим жестом на этом пути может стать процесс над янаевско-крючковской восьмеркой. Поэтому позвольте сказать несколько слов в их защиту.

Первое. Хотя Президент СССР Михаил Горбачев до последних дней заявлял, что он коммунист (и рисковал в связи с этим превратиться в генсека нелегальной партии и уйти в подполье), однако настоящими, истинными коммунистами являются, конечно, не он, а именно Пуго, Крючков, Язов, Янаев и их компания. Они действовали как истинные ленинцы, наследники исторической традиции ВКП(б) — КПСС устранять политических противников методом физической расправы. Но рожденные при власти КПСС и вскормленные ею «с молодых ногтей» в особых питомниках-распределителях, они и не могли действовать иначе! Когда в волчьей стае слабее или старее вожак, молодые волки загрызают его насмерть. Можете ли вы судить габэшного волка Крючкова за то, что он не мутировал в голубя? Я готов позд-

рывать тех, кто мутировал, — Шевардадзе, Калугина и других, но их мутация свидетельствует, что они скорее всего никогда и не были истинными коммунистами.

Второе. Нет никаких сомнений в том, что этот заговор является гениальной находкой русской Истории. Без этого заговора-фарса Россия еще десять лет топталась бы на месте, буксовала между Горбачевым и Ельциным, а тем временем все рос бы и рос процесс приватизации страны коммунистами, а западная помощь оседала бы в их бездонных карманах. Конечно, в случае успеха хунта отбросила бы страну назад. Однако в том-то и гениальность госпожи Истории, что, ознакомившись со всеми возможными вариантами развития событий в России, она внесла «небольшую» поправку на этот раз для августовского переворота она выбрала не Ленина, а Янаева, не Троцкого, а Язова, не Бухарина, а Павлова. И запрограммировала их на поражение с первых часов путча!

История повторилась фарсово, и тот гнойник коммунизма, который в Кремле и за его пределами прятался за спиной романтического коммуниста-реформатора, — этот гнойник прорвало наконец дрожа-

щими руками Янаева, Крючкова и К°. Теперь вместо того чтобы нарыть внутри, страна за три дня выплеснула из себя весь 74-летний гной!

Так можно ли судить тех, кто способствовал такому радикальному обновлению России, способствовал больше, чем даже сам инициатор перестройки?! Можно ли судить освободителей?

Третье. Я знаю, что суд над ними будет. Да я и не прошу простить их, отпустить с миром, оставив за ними их дачи и министерские пенсии. Но когда я вижу по телевидению, как молодые москвичи в ответ на вопросы западных корреспондентов о судьбе заговорщиков говорят коротко и не моргнув глазом: «Расстрелять!», я начинаю опасаться не за судьбу Янаева и К°, а за эту молодежь!

Господа победители! Я, покинувший «страну победившего социализма» 13 лет назад, опубликовавший на Западе десяток антикоммунистических книг, меньше всего, как вы понимаете, заинтересован в судьбе Крючкова, Язова и прочих. Но, даже став американским гражданином, я воспринимаю ваши события как свои. Не лейте больше кровь за кровь! Не рвите больше зубы за зубы! Не грабьте награб-

ленное! Пусть суд над янаевско-крючковской восьмеркой и КПСС станет не «беспощадным», а освободительным. Освободите их, но самое главное — освободите себя и страну от их габэшно-волчьей психологии! Пора России сойти с тропы войны на тропу духовного мира! Пора в русских школах преподавать историю не по датам кровавых битв, а по вехам духовных и культурных свершений. А что касается этой восьмерки, то отправьте их в ссылку, в сибирское село Шушенское, где отбывал ссылку Ленин, — пусть там живут, как истинные ленинцы.

Почему бы не создать в селе Шушенском свободную колонию истинных коммунистов, в которой будут жить и кормить сами себя все, кто по-прежнему считает себя коммунистами-ленинцами? Пусть вернутся к своим первым, юношеским профессиям комбайнеров и токарей. И пусть у них там будет партийная ячейка. И оставьте им там музей их вожды. Мы, западные туристы, будем с удовольствием приезжать в эту резервацию, чтобы посмотреть на них и послушать их хор, исполняющий «Ленин всегда живой» и «Партия наши народы сплотила».

Эдуард ТОПОЛЬ.

КРАСНЫЕ УШЛИ!

**Яростные «командиры»
коллективной собственности,
разграбив российскую деревню,
исчезли из нее в одночасье.
Но радоваться этому, похоже,
еще рановато...**

НА СТО двадцатом километре с магистрали Москва — Калуга уходит влево дорога из вздыбленных и разбитых плит. А через восемнадцать километров она упрется в село Никитское — центральную усадьбу одного совхоза.

Деревенных жителей здесь не более десятка, остальные пришлые: кто из десяти разоренных в округе сел, другие же и вовсе «спецконтингент». Год назад совхоз забился в г. смертных судорогах, не оставив на фермах ни одной доярки. Спасла Никитское растущая в стране преступность. Уже не хватало лагерей, и некуда было девать не особо опасных осужденных. И открыло МВД в совхозе для них свой «микрولاгерь» — огромный барак, обнесенный колючей проволокой. Пошли условно-досрочно освобожденные, прозванные в народе «химиками», на опустевшие фермы — доярками. В смертельной неврастии сошлись друг с другом недавно освобожденные люди и ни за что осужденные коровы. Потому и падеж, потому и молока от стада коров, как от стада коз.

— Куда-то мы с деревней не туда зарулили, — говорит Николай Бушманов. — Но фермеров новоявленным не надо, если придут к нам, прогоним всем миром. Иначе они нас в бараний рог согнут. Я так мыслю, что нам из совхоза в колхоз вернуться надо. Скопом-то и батьку бить легче!

Да фермер и сам сюда не идет. «Гулящая» земля уже десятки лет не пахана. Чтобы ее поднять, нужна мощная техника, а ее и у совхоза нет.

До 1917 года здесь все было иначе. До Великого Октября славилось Никитское своими тулупами, медом, саями для троек, дугами и хомутами. Действовала в селе постоянная экспортная контора, клиентская которой были и заморские купцы. Все сгнуло, все пошло в распыл.

Правда, овчина есть и теперь: почти в каждом подворье от десяти до двадцати баранов. Да что толку? Заезжие заготовители скупают невыведанные шкуры (а сами выдвельвать разучились) по пятнадцать рублей за штуку. Я предлагал купить за сотню — не продали: заготовители рассчитываются кормами, а на мои бумажки можно купить только хлеб и раз в месяц сахар. У прежних закупочных структур нет конкурентов. Вот и совхоз скупает у крестьян молоко по пятьдесят копеек, а государство продает его же за рубль с лишним.

Жить скопом приучали десятками лет террором и шлеткой. А теперь, когда вроде бы волю дают, по-другому и не мыслится. Откровенно поспеиваются и над теми, кто за коллективное хозяйствование ратует, и над теми, кто за индивидуальное. «Это все — мимо нас. Это все московские мудрецы от безделья бесятся. Вы нас только не троньте, а мы уж сами тут разберемся, как нам жить дальше!» Конечно же, разбираться им самим. Но как? «Фермеры придут — прогоним». Десятилетия рабства породили психологию особую, трудно постижимую. Лучше других «очертил» ее старик Алексей, доживающий свой век в одиночестве в одном из умирающих сел.

В деревне читают мало. Некогда. А на столе Алексея книга Конквиста «Большой террор» и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Зачитанные до ветхости, с бумажными закладочками на особо важных страницах. Так когда-то, не торопясь, читали Библию.

МОЕ И НАШЕ (теория выживания по Алексею)

«Отец мой не из здешних мест, полукрестьянин-полуремесленник. На Руси, считай, чистый крестьянин и вовсе не было, с одной земли кормиться не удавалось. Отец кузнецом был, каких мало. Из родных сытых мест он снялся, как только отметили МОЕ и все объявили НАШИМ. Он мне с детства внушал: не может набравленное быть твоим, а вот НАШИМ — может. НАШЕ можно дать, отнять, опять дать. НАШЕМУ не верь, а СВОЕ твое.»

Вот он и затаился. Вся жизнь неумехой прикидывался, дело делал так-сяк. Но иной раз не выдерживал и при закрытых дверях и задернутых занавесках доставал свою настольную кухню и чеканил всяческие безделушки, а потом в лепешку все разбивал, чтобы никто не увидел. Я его однажды спросил: «Отец, а ты блоху подковать можешь?» Он говорит: «И комара могу. Только зачем? Он же летать перестанет. Вот крестьянина «подковали», а что получилось?»

И все твердил: «Не верь никому, пока этот эксперимент с НАШИМ не кончится. Не умирай, не лезь куда, делай вид, что ты подкованный. Живи как все, пока ТВОЕ опять твоим не станет. Сторонись не только начальства, но и соседей. Начальство может за тобой и не угадать, а сосед усмотрит, и тогда конец...»

НЕ ПОЮТ вечерами песен в Никитском. Некому петь. Не за воротами же комендатуры МВД. «Химики» свое новоселье отпраздновали убийством сторожа. Потом, правда, притихли под усиленным надзором спецхраны. Но и сегодня никто не защищен от визита непрошенных гостей, начинающегося не со слова «здравствуйте», а с нечеловеческого крика: «Дай одеколон, а то зарежу».

В деревне строго делятся на «пришлых» и «местных». Местные в основном те, кто живет здесь более десяти лет. Но и они друг к другу редко в гости ходят. Иные и к соседям не зайдут. Как сказала одна старушка: «У меня один сосед ангел, а другой черт. Вот и живу между раем и адом». Дом — крепость. Вот в нем-то и можно затаиться. Вот за него-то могут и убить. Забрешу в чужой двор корову избил так, что она неделю кровью, а не молоком доилась.

В совхозе уже привычно отработывают барщину, а живут с подворья.

На воротах в хоздворе висит приказ: «Иванову за удовлетворение

своих алкогольных потребностей в рабочее время объявить выговор и записать прогул». Ну и запиши... Все этому только посмеиваются. И таких-то ивановых не хватает. С совхозом бранятся все, но окончательно сорваться бояться. У него техника, корма, в нем какой ни есть — приработок. Куда от него денешься? Распусти его сейчас декретом, так с вилами пойдут защищать. Потому что в другую жизнь просто не верят, другой жизни бояться.

Сейчас в Никитском ощущение такое, что красные из него ушли, а белые или зеленые еще не явились. Уже два года назад незаметно скончалась партийная организация. Начальство из района сюда давно не ездит и не звонит, как прежде, чтобы командовать: сеять или убирать. Самый большой начальник — председатель сельского Совета Василий Лапин.

— Ну какой я хозяин, какая власть? — печально рассуждает он. — Судите сами: весь прошлый год бюджет сельсовета — 400 рублей. Курам на смех. Трактор, чтобы старика дров подбросить, — проси. Машину, чтобы в дальние села съездить, — проси. Проситель я, а не хозяин. Это еще хорошо, что у меня с директором совхоза хорошие отношения и на мои проблемы понимает. Но ведь и у него лишнего ничего нет. Единственное, что пока мне позволено, так это землю раздавать. Бери, сколько сможешь. Да только кому она нужна без техники?

НЕ ПОКАЗЫВАЙ, ЧТО БОИШЬСЯ

(теория выживания
по Алексею)

«А еще учил меня отец никого не бояться. Это не значит, что надо на рожон лезть. Но ни в коем случае не пугаться того, кто пугает. Покажи слабинку — и все тебя пугать начнут, от начальника до самого пустого мужика. Потому что человек, чтобы почувствовать себя человеком, хочет чужого страха перед собой. Тут он в кураже. Твои свой страх, если боишься. Год твое, два, а потом сам почувствуешь, что ничего на этом свете не страшно, даже смерть. Пугливая собака уже не собака, а дрянь. Вся жизнь боясь не жить будешь, а помирать. Меня уж как пугали в тридцатые: «Загоним туда, куда Макар телят не гонял». А мне и это не страшно. Нет таких мест, куда бы умный Макар своих телят не гонял. Нет такой власти, чтоб всех до одного напугала. Ты сделай так, чтоб не она тебе, а ты ей нужен был. Чтобы без тебя она заскучала и за должность свою обеспокоилась. И ничего она тебе не сделает. Рычать будет, а не укусит.»

У отца всю жизнь на случай прихода НКВД у дверей валенки висели, а в них — сухари и сало в дорогу. Всю жизнь ждал, что за ним придут, и не боялся.»

В НИКИТСКОЕ НКВД уже, даст Бог, не придет, и КГБ здесь делать нечего. Зато, похоже, навечно здесь решили поселиться МВД...

Что гибель неминуема, как-то поняли сразу же две стороны: Главное управление материально-технического и военного снабжения МВД СССР и сам совхоз. Сели за стол переговоров и составили план спасения друг друга. Запланировали строительство мостов, поездов, внутренних дорог к заброшенным селам, чтобы их возродить. А еще — создание собственной перерабатывающей промышленности: колбасного завода, мельницы, цехов консервирования. МВД пообещало купить в Испании кожаный завод, чтобы здесь, в Никитском, шить дефицитные дубленки и тулупы. А вот их-то потом можно будет менять на другой дефицитный товар, хоть и на технику. Заманчиво. Но за что Никитскому такие блага от МВД? Да за дачные участки, да за будущее сверхплановое продовольствие, которое останется после выполнения госзаказа. Голод не тетка, испугает кого хочешь. Милиция и себя кормить нужно, и заключенных, чей дневной паек уже на критической точке. Вот и возник этот союз меча и орала. Мы вам — рабочую силу и технику, вы нам — хлеб и колбасу.

Но сам крестьянин, по устоявшейся уже психологии, по-прежнему надеется не на этот союз, а на самого себя. Благо, хоть на подворье сейчас никто особо не лезет, как когда-то в хрущевские времена. Вот их-то помнят люто, куда с большей ненавистью, чем сталинщину и коллективизацию. То уже за давностью подзабылось, а вот как землю под крыльцо урезали, до сих пор перед глазами стоит. Это называют второй коллективизацией и пуще всего боятся повторения. Сейчас каждая семья взяла себе корову, а то и две. Овец завели, поросят, гусей и уток. Третью часть государственного заказа на молоко и мясо совхоз выполняет за счет частного сектора. Казалось бы, чем не начало того треклятого фермерства? Ан нет! Потому как больше никто не хочет: на кой ляд корячиться? Положенное сдам, себе оставлю, и хватит. За что больше-то? Всех денег не заработаешь. Да и зачем они? Негде и не на что их тратить. Не дает город селу ни ширпотреб, ни техники для подворья, чтобы хоть как-то облегчить этот каторжный труд. Значит, не даст и село городу достаточного количества продуктов. Вот-вот повторится диалог Сталина с сибирским крестьянином, ставший сигналом к раскулачиванию: «У тебя же есть зерно, почему же ты не отдашь его городу?» — «А ты, парень, спляши, может, тебе лично и дам. А за так ни зернышка не получишь!».

Не совхоза люди боятся в Никитском, а того, что вот-вот войдут в село продотряды и ограбят вчистую. На тех, кто попытался заговорить о дележе совхозного имущества, пькнули зло свои же мужики, а не начальство. Во-первых, как делить? Кому сколько? И мне, и тебе, и пришлому одинаково? Ну уж нет, пусть совхоз пока

поживет, а там посмотрим.

Десятилетия коллективизации выработали уникальную психологию защищенности, о которой мучительно размышлял еще Лев Толстой. Его герои (и Левин, и Нехлюдов) настойчиво предлагали своим крестьянам аренду на английский манер, а те неизменно отвечали: «Э-э-э, нет, барин, давай по-прежнему. И за урожай, и за неурожай отвечай ты, а мы ответчиками за все быть не желаем». Что-то вроде этого происходит и теперь. Власть не верят ни в чем, даже в ее благим намерениям. «Да разве она чего хорошего крестьянину пожелает? Она только и норовит, что обмануть». Вот эту внутреннюю уверенность не отметить никаким президентским указом, не выгравить никакими клятвами и заверениями...

И НИЧЕГО НЕ ПРОСИ

(теория выживания
по Алексею)

«Не проси. Ни у власти, ни у соседа. Лучше переголодуй, урежь себя до бессознания. Иначе прольешь хлебчиком и голодранцем. Сделай так, чтобы сами дали, чтобы им невольно было не дать. Кого-то похвали незначай, кому-то уважение окажи — с тебя не убудет, а ему прибавится. Пуще всего не проси у власти. У ней все просят, а ей всего жалко. Потому что все это не для всех, а только для нее. Иначе зачем же власть? Держись с ней ровно. Дүри ее не перечь. Начальники, конечно, разные бывают. Иному кажется, что он для общества старается, жизнь ему, неблагодарному, отдаст. Такой опасней всех других, у него идея, а это как сумасшествие. Не проси даже у Бога. У него тоже много чего просят: и здоровья, и удачи, и погоды. Не будешь просить, как все, он тебя сам на том свете к себе позовет. Ты из немногих будешь, кто его просьбами не одолевал. Все проси у себя. Я вот жизнь прожил и ничем никому не обязан. Гроб готов, одежда справлена. Почувствую конец, поставлю перед собой хлеб и воду, а звать никого не буду. Останется людям меня только закопать.»

Сколько лет пригибала власть к земле село Никитское, как и сотни тысяч других сел на Руси. Отбросила сознание людей — и экономическое, и нравственное — на много лет назад. Когда-то сломать этот уклад смог только Петр Столыпин своей жесткой, а порой и жестокой реформой. Он выселил из села наемников, которые пополнили ряды люмпен-пролетариата, и оставил одних хозяев. Разрешится эта «нерешаемая» задача и сегодня. Только не надо торопить крестьянина, устраивать насильственную расколлективизацию. Они сами разделятся на наемников и хозяев. И вовсе не по указу из Москвы. И не стоит нам падать в обморок от упрямо повторяемой фразы: «Э-э-э, барин, давай по-старому!»

Геннадий ЖАВОРОНКОВ.

Вражеский голос на «острове Свободы»

По собственному опыту знаю, что американскую станцию «Радио Марти» слушают многие кубинцы. Слушают, несмотря на мощные глушилки и строгие запреты властей. Слушают, как когда-то мы слушали «Голос Америки» и «Свободу». И отношение к «Радио Марти» у них такое же, как когда-то у нас к «вражеским голосам», — от преклонения до ненависти.

Интересно, что и среди кубинского землячества в США меня иногда уверяли, что подобное вещание является вмешательством во внутренние дела Кубы. Такую оценку в начале нашего разговора я привел Тони Наварро, директору вещания на Кубу ЮСИА (именно в его подчинении находится «Радио Марти»):

— Я категорически не согласен с этим мнением. Многие говорят, что достаточно Кастро провести свободные выборы и победить на них, его признает мировое сообщество. Но можно приглашать сколько угодно международных наблюдателей с тем, чтобы они следили за возможными подтасовками, выбор кубинцев все равно не будет осознанным. Все средства массовой информации на острове уже в течение десятилетий дают только одну точку зрения на любые события — государственную. О каком выборе может идти речь в таких условиях? Режим Кастро называет «Радио Марти» подрывной станцией. В какой-то степени это так: мы подрываем государственную монополию на информацию, на владение умами жителей Кубы. Мы не наивны и не считаем, что островитяне нам верят безоговорочно. Но, получая альтернативную информацию, люди начинают думать, сравнивать, сопоставлять слова и дела режима. Это самое важное.

Интересно, что сам Тони тридцать с небольшим лет назад ненавидел диктатуру Батисты, с воодушевлением, как и большинство кубинцев, принял революцию, однако, как только его новая любовь запретила свободу слова, начала гонения на любое инакомыслие, Наварро встал по другую сторону баррикады.

«Радио Марти» расположено в цент-

ральной части Вашингтона и занимает 2 этажа одного из зданий ЮСИА. Вещание круглосуточное — музыка, спорт, сводка погоды, информационные выпуски, комментарии. Одним словом, обычная радиостанция, каких в мире десятки тысяч.

И все же «подрывная». Уверен, переводы наш безобидный «Маяк» свои программы на испанский, и его бы на Кубе незамедлительно наградили тем же почетным званием.

День, когда состоялась моя экскурсия на «Радио Марти», пришлось на национальный праздник кубинского народа — взятие казармы Монкада. На «Марти» была создана дежурная группа, чтобы откомментировать традиционное вечернее выступление Фиделя Кастро. Работа не легкая, так как в эфир надо выйти сразу же по окончании многочасового марафона команданте. Но у радиожурналистов свои секреты. Аналитика Ольгу Наварро я застал за тем, что она, обложившись газетными вырезками, заранее конструировала речь кубинского лидера.

— Он будет выступать в Матансесе. Значит, вначале поговорит о том, каких достижений добилась эта провинция за год — сколько коровников и свинарников введено в строй. Затем перейдет к тому, каким успешным был этот год для Кубы в международном плане. Будет долго говорить о встрече в Гвадалахаре, где, конечно же, был дан отпор американскому империализму, упомянет Панамериканские игры в Гаване, которые явятся очередным свидетельством широкого мирового признания курса кубинской революции. После этого начнется трагический кусок, связанный с трудностями «особого периода в мирное время», виноват в кото-

рых, конечно же, американский империализм.

— Здесь же, наверное, достанется и Советскому Союзу?

— Вряд ли. Слишком многое зависит для Кастро от поставок советской нефти. Скорее всего будет произнесена фраза о том, что СССР в отличие от Восточной Европы пока еще не попал в руки контрреволюционеров.

Убедиться в способностях Ольги анализировать удалось через несколько часов. Внутренняя сеть «Радио Марти» была настроена на волну гаванской станции «Прогресс», и сквозь помехи в течение 3 часов раздавался эмоциональный голос Фиделя. Правда, начал он не с коровников. Первая половина речи была посвящена ужасам системы апартеида и слабой победе кубинского оружия над силами ЮАР в Анголе. Сотрудники «Радио Марти» (а большинство из них — кубинцы) внимательно вслушивались в слова кубинского главнокомандующего. Запомнилась фраза одного из репортеров, произнесенная с искренней болью: «Страна на грани катастрофы, а он уже полтора часа говорит, и ни слова о Кубе!»

Не оставив камня на камне от апартеида, Фидель наконец постепенно перешел к спенарию, начертанному Ольгой. Правда, в него он внес своеобразные коррективы, говоря об американском империализме. Конечно же, он грабит народы всех стран, но сама Америка, оказывается, крупнейший должник в мире. Фидель увещевал кубинцев, помыслы которых обращены к США, что они хотя и связали свою судьбу со страной, экономика которой находится в руинах. (Дружный хохот в студии).

Советская тематика ограничилась словами о том, что СССР противостоит нажиму и шантажу мирового империализма с целью прекратить помощь революционной Кубе.

Потом директор отдела информации Диана Молино говорила мне: «Фактически для кубинцев мы стали единственным источником получения объективной информации о том, что происходит в СССР — главным союзнике Гаваны. Процессам, идущим в вашей стране, отдается приоритетное место в выпусках новостей». От себя добавлю: после того как два года назад кубинский режим запретил распространение «МН», статьи и комментарии из газеты все же доходят до жителей острова благодаря регулярным обзорам «Радио Марти».

Александр МАХОВ.

Вашингтон.

ОПЯТЬ ТЕРЯЕМ МИЛЛИОНЫ

Вот уже почти полтора года продолжаются переговоры о судьбе бывшего советского военного имущества в Венгрии. Однако, как показали недавно состоявшиеся в Будапеште переговоры, этот вопрос по-прежнему далек от разрешения.

Речь идет об объектах стоимостью приблизительно 53 миллиарда форинтов (около 700 миллионов долларов). Это несколько крупных аэродромов со взлетно-посадочными полосами, соответствующих самым высоким требованиям, школы, клубы, дороги и т. д.

Уже в ходе переговоров Венгрии удалось добиться рассмотрения СССР венгерских претензий в области нанесенного экологического ущерба. В Будапеште потребовали выплатить за уничтожение на одном из полигонов редкого растения — венгерского колокольчика — компенсацию в размере около 60 миллионов долларов. Вышло, что на относительно небольшой территории находилось чуть ли не две трети этого растения, имевшегося на всей территории Венгрии (и это на полигоне, использовавшемся с 1945 года!).

После рассмотрения советскими экспертами венгерских требований по экологическому ущербу из первоначальных 66 миллиардов форинтов была признана справедливой компенсация лишь в размере 2,62 миллиарда форинтов.

Итак, стороны к настоящему времени оценили оставшиеся СССР военные объекты в 53 миллиарда форинтов, а недоплатежи советской стороны в содержание арендованных объектов — в 14 миллиардов форинтов. В итоге остается 40 миллиардов форинтов, из которых объекты на сумму 20 миллиардов венгерская сторона считает для себя ненужными. Экологический ультиматум позволил руководству Венгрии выдвинуть в прессе в качестве жеста «доброй воли» предложение о нулевом варианте, то есть об отказе от выплаты компенсаций СССР. В свою очередь в заявлениях в прессе руководителей советской делегации прозвучали предложения о нулевом варианте — в счет торгового долга СССР Венгрии. Но он также был отвергнут. Тем временем Венгрия уже начала незаконные использования некоторых построенных СССР объектов, в том числе передачу бывших советских аэродромов в аренду.

Словом, сложилась патовая ситуация, выход из которой, возможно, сможет дать договоренность на уровне министров внешнеэкономических связей. А до того момента не могут действовать совместные предприятия, которые к взаимной выгоде двух сторон планируется создать для использования оставленных Южной группой войск объектов.

Святослав БУЛАХ.

Будапешт.

ЖУРНАЛ

ИНТЕРЛИНК

ЭТО ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

ВАШЕГО БИЗНЕСА!

Журнал выходит с ноября 1990г. и содержит статьи и практические советы советских и американских специалистов по вопросам права, финансов, бухгалтерского учета и менеджмента. Ведущие специалисты СССР и США публикуют в журнале экономические и статистические прогнозы развития экономики обеих стран как в целом, так и по отдельным отраслям. ИНТЕРЛИНК также является самым недорогим источником последних законодательных и инструктивных материалов по вопросам внешнеэкономической деятельности в СССР и законодательства США. В числе наших постоянных корреспондентов крупнейшие юридические, бухгалтерские и консультационные фирмы и банки США, американские экономические журналы, независимые советские эксперты. ИНТЕРЛИНК — это также уникальная возможность получения заочного образования в Государственной Финансовой Академии по специальности «Внеэкономическая деятельность предприятия».

Подписка на журнал ИНТЕРЛИНК на 1992г. осуществляется без ограничений через каталог «Союзпечати» (наш номер 70422) или непосредственно через редакцию. Также через редакцию продолжается подписка на 1991г. и рассылка номеров 1990г.

телефоны для справок 456-6644 / 453-1096

Розничная продажа журнала осуществляется через некоторые киоски «Союзпечати» и «Мосгорсправки»

А теперь остается гадать, какое испытание выпадет на долю американского президента в третий раз — теперь уже в августе будущего года. Уже дважды международный кризис (сперва захват Кувейта, а ныне переворот в Москве) заставляет западных лидеров в разгар отпускного периода. Если говорить о рейтинге Буша, то второй раз подряд он выходит из кризиса победителем, укрепив в глазах внешнеполитических урегулирующих, способный и противостоять безрассудству Хусейна, и маневрировать в непредсказуемой обстановке распада Советского Союза.

В других отношениях американское общественное мнение устоялось в меньшей степени. Как считают сотрудники опросных служб, с которыми я беседовал, это прежде всего вытекает из неясности и переменчивости самой ситуации в Москве. Она способна запутать профессионала-советолога (многие из них так и говорят, что не знают, что произойдет) и тем более рядового гражданина, для которого есть дела поважнее тех, что происходят в СССР.

Приливы и отливы в общественных настроениях здесь пока характеризуются, в частности, отношением к Михаилу Горбачеву. Резкое неприятие вызвала его пресс-конференция после возвращения из Крыма, в котором в силу прозвучавшей на ней знакомой «просоциалистической» риторики. Упущенные возможности на этой ключевой встрече с прессой дали повод говорить о Горбачеве как об «опаздывающем» политике, не понимая, что он вернулся в изменившуюся Москву. Затем кривая его популярности пошла вверх — под воздействием решительных выступлений в парламенте, размежевания с ком-

ГОРБАЧЕВ не кумир уже, ЕЛЬЦИН — еще

Наш спецкор
передает из Нью-Йорка

партией и одиозными коллегами. И все же вердикт в большинстве случаев выносится суровый: историческая роль Горбачева сыграна. Хотя это и грустно, добавляют все.

Несмотря на колоссальное уважение за проявленную личную храбрость во время событий, за взятую на себя роль лидера, в отношении Бориса Ельцина тем не менее как будто бы сохраняется некое сознательное недоверие, обращенное не только в прошлое, сколько в ближайшее будущее. Каким руководителем будет этот человек? Нет ли намека на опасность в его первых действиях — таких, как закрытие газет или запрет российской компартии, которая согласно американскому подходу должна была бы иметь право умереть собственной смертью?

Переворот практически повливал на характер восприятия перспектив экономического развития СССР и возможное участие в нем американцев. Остаются в силе старые пожелания: определитесь, кто за что у вас отвечает, обеспечьте тыловую структуру для бизнеса, не ждите безвозмездных вливаний. Несколько отошло на задний план опа-

сение, что западная помощь пойдет не к тем, кто это заслуживает, скажем, ВПК. Главное теперь — чтобы ее получил тот, кто сможет наиболее умело распорядиться.

Заявление о независимости республик в практическом плане не вызывает у моих собеседников бизнесменов прилива энтузиазма. У них уже есть опыт ведения дел — и потери немалых денег — в странах Латинской Америки, с которыми они нередко сравнивают будущие советские республики. Проводится также очевидное разграничение между будущими прибалтийскими государствами, которые вправе получить помощь, и другими республиками, которым пока что не дадут ничего в силу неясности отношений с Союзом.

С отделением республик связан и вопрос о контроле над ядерным оружием. Острой темой для дискуссии здесь остается, кто мог отдать команду о пуске ракет во время трехдневной изоляции Горбачева?

И, наконец, самый «нестратегический» фактор — очевидный прорыв в человеческом понимании между нами и американцами. Обозреватель журнала «Ньюсуик» Мег Гринфильд считает, что впервые СССР после трагических событий предстал как страна, населенная нормальными людьми — с их слабостями, недостатками, противоречиями, личными неурядицами, — но уж никак не бесчувственными, пассивными солдафонами, которыми они, похоже, оставались в глазах Америки, несмотря на шесть лет политических преобразований.

Дмитрий ЯКУШКИН.

Югославский конфликт из локальных вооруженных столкновений в последние дни лета мог перерасти в полномасштабную гражданскую войну. Арена боевых действий охватила бы значительную часть территории СФРЮ.

После этого уик-энда впервые с момента возникновения кризиса в этой балканской стране Европа может вздохнуть с облегчением. Успех двенадцати стран — участниц — по урегулированию конфликта увенчался определенным успехом. Совместная декларация Европейского сообщества, которую можно охарактеризовать и как ультиматум, была принята всеми югославскими республиками. Точнее, главный штрих к общей картине добавила Сербия, отчаянно сопротивлявшаяся в последнее время иностранному дипломатическому вмешательству. Именно юзичию Сербии рассматривали в Европе как главное препятствие, стоящее на пути разрешения кризиса, которое поддерживалось «сербскими нерегулярными силами» и «частями федеральной армии», вставшими на сербскую сторону». К такому выводу пришли шефы дипломатии двенадцати стран ЕЭС после многочасовых дебатов в прошлую среду в Брюсселе, которые и закончились принятием декларации-ультиматума. Тогда министр иностранных дел Голландии Ханс Ван ден Брук заявил на пресс-конференции: «О будущем Югославии мы будем разговаривать с теми силами в стране, которые примут «схему» сообщества».

Итак, Сербия дала «добро» на проведение плана ЕЭС в жизнь за день до истечения срока ультиматума — 1 сентября. Правда, Белград оговорился, что ни в коей мере не согласен с обвинениями в свой адрес.

В чем же заключаются основные тезисы ЕЭС? Это прежде всего полное прекращение огня, возвращение армии в казармы, срочное направление в Югославию иностранных гражданских наблюдателей, призванных осуществлять контроль над перемирием. Второе — создание специальной арбитражной комиссии из пяти членов (трех выбирает ЕЭС, двоих — Президиум СФРЮ), которая в течение двух месяцев должна будет разработать свой проект нового конституционного порядка в стране. И, наконец,

«СТЕНКИ НА СТЕНКУ» УДАЛОСЬ ИЗБЕЖАТЬ?

третье условие — созыв международной конференции по Югославии.

В противном случае ЕЭС берет инициативу в свои руки и объявляет о проведении совещания с представителями Президиума СФРЮ, председателем федеральной администрации, шефом югославской дипломатии и теми президентами республик, которые согласны с декларацией ЕЭС.

Вероятно, на столь жесткую постановку вопроса наверняка повлияли и последние события в Советском Союзе. Сейчас много пишется о том, насколько эффективным окажется влияние Европы и всего мирового сообщества, как будет работать механизм урегулирования конфликтов, случись подобное и в СССР. Председатель Комиссии Европейских сообществ Жак Делор в одном из своих выступлений подчеркнул, что дезинтеграция СССР «может привести к тому, что необъявленная война в Югославии покажется просто детской забавой».

«Генеральная репетиция» в Югославии, имевшая за последнее время существенные накладку, сегодня, похоже, входит в свою активную фазу, когда механизм урегулирования конфликта начинает проверяться на практике.

Пока ЕЭС разрабатывал требования, в Хорватии выдвинули также и свой ультиматум: в парламенте — Са-

боре шли дебаты о введении военного положения и начале всеобщей мобилизации населения республики. Ответные меры готовились и в Сербии. Срок проведения мобилизации назначался на 31 августа.

Сегодня этой угрозы удалось избежать. Однако остаются и другие. Среди них — потеря контроля над ситуацией в кризисных районах как со стороны сербских, так и хорватских властей. Решения — открывать огонь, проводить те или иные военные операции — принимаются командирами отрядов, будь то сербские подразделения самообороны, части хорватской национальной гвардии или министерства внутренних дел республики. На сегодняшний день число погибших уже превысило 300.

Сегодня многих волнует вопрос: сможет ли Югославия при помощи ЕЭС использовать свой последний шанс и наконец-то начать процесс урегулирования или же ход событий будет пущен на усмотрение тех, кто держит в руках оружие?

Андрей БАТУРИН,
собкор ИАН — специально для «МН».

Белград.
Югославские танки, несмотря на достигнутое перемирие между республиками СФРЮ, пока остаются на дорогах Хорватии.

Фото Рейтер-ТАСС.

Скоро год, как немцы живут в одном государстве. Но по данным недавнего опроса, бывшие граждане ГДР не только не сближаются со своими соотечественниками, но все более отчуждаются. Что происходит?

Настроения людей в пяти новых землях ФРГ хуже, чем общая ситуация в них. Почти 12 месяцев «немецкого единства» позволяют сделать такой вывод. В странах Восточной Европы, где сейчас продвигаются реформы, это кажется странным: кто бы не хотел иметь состоятельного брата, который сделал бы все возможное, чтобы смягчить и поддержать болезненный переход к рыночной экономике. Кажется, что в Восточной Германии царят неблагоприятные и непонимание, хотя в Западной ожидали благодарности и готовности учиться.

Но за несколько недель до празднования годовщины политического объединения налицо все основания для депрессии в новых немецких землях. Па-

можность работать считалась гарантированным благом, большим достижением социалистического государства. Конечно, многие люди в ГДР знали или предполагали, что за свое гарантированное рабочее место они платят низкой эффективностью всего народного хозяйства, низким уровнем потребления. Психологическим постоянным рабочим местом казалось личным достижением, которое ежедневно оплачивали. Безработица, которую должны были испытать на себе сегодня миллионы восточных немцев, является, таким образом, больше, чем материальная потеря. Невозможность работать по своей специальности воспринимается как личное унижение. Выплачиваемое пособие по безработице вряд ли может устранить моральную депрессию.

Восточные немцы пока плохо понимают хозяйственные связи, от которых зависят рабочие места. На вопрос, почему многие товары, которые

ГЕРМАНИЯ: ОДНО ГОСУДАРСТВО — ДВА ОБЩЕСТВА

продавались раньше, стали вдруг бесполезными, они часто не находят ответа.

Еще одно обстоятельство отличает восток Германии от других реформирующихся государств Восточной Европы: здесь исчезла не только социалистическая система, но и целое государство стерто с политической карты мира.

Люди в новых землях в большинстве своем были далеки от того, чтобы любить ГДР как свое государство. Тем не менее с ним была связана часть их сознательной политической жизни. Это касается также чувства собственного достоинства: государство прекратило свое существование, но жизнь в нем не прекратилась.

С 1949 года существовало два немецких государства, которые шли совершенно различными общественно-политическими путями. Ни у одного восточноевропейского государства не было конфронтации с конкурентами собственной нации. Такое противопоставление старой ФРГ затронуло само существование ГДР. Но и после объединения эти конкурентные отношения сохранили свое значение. Все члены бывшего «социалистического сообщества» должны сейчас решать сложную задачу, связанную с введением нового экономического порядка, и пытаться ориентироваться в новых правилах игры в политике. Однако все, за исключением бывшей ГДР, должны самостоятельно решать возникшие проблемы. Они по своему усмотрению решают, какими шагами идти в реформах. У новых федеративных земель Германии, однако, такой свободы выбора нет. С последним ударом колокола в ночь со 2 на 3 октября 1990 года они стали частью государства, которое для других стран, вошедших в стадию реформ, является пока еще далеким идеалом. Немцы, которые и так в течение 40 лет шли, безусловно, более правильным путем, не являются более соседями по ту сторону границы, которая была также «водоразделом» между капитализмом и социализмом, а стали согражданами одного государства.

В ГДР вся ответственность за то, что делалось, лежала на других, на тех, кто «там, наверху». Ответственность личности сохранялась в частной сфере, семье. Социалистическое государство, напротив, все больше рассматривалось как институт, от которого надо было держаться подальше и часто надо было защищаться. Во всяком случае граждан ГДР относился к нему равнодушно.

После объединения государство долго оставалось единственным работодателем и источником приказов. И уже не нужно было защищаться от государственного произвола. За одну ночь каждый получил неограниченную свободу. Без подготовки люди в новых землях ФРГ должны были самостоятельно устроить свою жизнь.

Этот поворот на 180 градусов сталкивается с большими трудностями в мышлении. Многие должны теперь мучительно привыкать к тому, что если раньше господствовало одно мнение, то теперь многие мнения могут быть не только абсолютно равноправными, но и правильными. Надо понять на собственном опыте, что плюралистическое общество без терпимости не может существовать. Нужна готовность к компромиссам. Как выяснилось, эта простая мысль трудно осваивается.

В трудовой жизни состояние всеобщей дезориентации кажется наиболее удручающим. До объединения воз-

продавались раньше, стали вдруг бесполезными, они часто не находят ответа.

Еще одно обстоятельство отличает восток Германии от других реформирующихся государств Восточной Европы: здесь исчезла не только социалистическая система, но и целое государство стерто с политической карты мира.

Люди в новых землях в большинстве своем были далеки от того, чтобы любить ГДР как свое государство. Тем не менее с ним была связана часть их сознательной политической жизни. Это касается также чувства собственного достоинства: государство прекратило свое существование, но жизнь в нем не прекратилась.

С 1949 года существовало два немецких государства, которые шли совершенно различными общественно-политическими путями. Ни у одного восточноевропейского государства не было конфронтации с конкурентами собственной нации. Такое противопоставление старой ФРГ затронуло само существование ГДР. Но и после объединения эти конкурентные отношения сохранили свое значение. Все члены бывшего «социалистического сообщества» должны сейчас решать сложную задачу, связанную с введением нового экономического порядка, и пытаться ориентироваться в новых правилах игры в политике. Однако все, за исключением бывшей ГДР, должны самостоятельно решать возникшие проблемы. Они по своему усмотрению решают, какими шагами идти в реформах. У новых федеративных земель Германии, однако, такой свободы выбора нет. С последним ударом колокола в ночь со 2 на 3 октября 1990 года они стали частью государства, которое для других стран, вошедших в стадию реформ, является пока еще далеким идеалом. Немцы, которые и так в течение 40 лет шли, безусловно, более правильным путем, не являются более соседями по ту сторону границы, которая была также «водоразделом» между капитализмом и социализмом, а стали согражданами одного государства.

Восточные немцы повергнуты сейчас в некое раздвоение, ощущая, что более удачливее немцы не живут теперь в каком-то другом государстве, а внезапно оказались бок о бок с ними. Западный немец, еще недавно отделенный непреодолимой границей, который зачастую был другом, а то и родственником, вдруг превратился в сведущего учителя. Чувство собственной несостоятельности стало собственным «спутником» восточных немцев.

И только сейчас, уже в едином государстве, стало очевидным, насколько разными стали восточные и западные немцы в результате сорокалетней государственной «разлуки».

Бернард фон ПЛАТЭ,
германский психолог.

НЕКОГДА ПОЖИНАТЬ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Станислав Говорухин о путче и народном бунте

Говорухин только что вернулся с митинга победы у «Белого дома», но выглядел мрачно. Во-первых, усталость — два дня и две ночи был в здании на Краснопресненской. Во-вторых, не скрываемая им тревога за, возможно, грядущие, более страшные события.

Сегодня самое страшное — заняться награждениями и наказаниями. Не надо обольщаться. Сам факт создания ГКЧП приветствовали многие. Я только что вернулся из длительной поездки по городам России — Пермь, Свердловск, Алапаевск, Самара — и знаю, что обстановка там очень тяжелая. У заговорщиков, безусловно, была поддержка — вот из чего надо извлечь уроки. Как переубедить простых людей, ратующих за жесткие меры? Их ведь накажать нельзя.

Завтра закончится праздник, и мы останемся один на один с главными врагами. Это надвигающийся голод, хозяйственная разруха, хаос, уничтоженная культура (то, что произошло с российской культурой, — национальное бедствие) и преступность, которая, увы, разгуляется еще больше, когда в полную силу начнет работать механизм рынка. Оценка ситуации у заговорщиков была во многом верная, только средства, как всегда, негодные. Ведь и цензура необходима, только другая. Не та, которую придумали эти мерзавцы, — цензура, запрещающая говорить правду, а цензура, запрещающая ложь.

Переворот не удался, оттого что делали его «дураки с уголовным соз-

нанием», по выражению сатирика Александра Иванова. Они не решились на аресты, изоляцию Ельцина не потому, что их пообломала демократия за последние годы, а потому, что посчитали: и того, что предприятия, будет достаточно. И верно, сценария 1964 года хватило на то, чтобы изолировать Горбачева. Вообще хватило на него: они к нему и полетели, надеялись хоть как-то договориться. Не вышло: его содержали не в камере, не пытали, он уже располагал какой-то информацией и был готов к моральному отпору.

Конечно, они не ожидали главного — героического поведения москвичей. Кто мог подумать, что они способны на такую самоорганизацию, на такое высокое гражданское самосознание?

— В фильме «Так жить нельзя» возник страшный образ правдиво и физически искаленного, спивающегося и вырождающегося русского народа. Сегодня ваше представление изменилось?

— К сожалению, нет. Москва — это еще не вся Россия, и у стен Верховного Совета собралась наиболее сознательная и — меньшая часть общества. Так уж скроено тоталитарное государство: в провинции и жи-

вут победнее, и развиты в массе своей меньше.

Что такое этот фарсовый путч по сравнению с народным бунтом? А он возникнет рано или поздно, если народ будет по-прежнему грабить, убивать, если рядом с ним нечестным путем кто-то станет наживать себе капитал. Это выдумка интеллигенции, будто простой человек не терпит, если сосед богаче его. Он не это не терпит, а другое — то, что я, например, наблюдаю сейчас в Казани. Там есть двенадцатизатяжная гостиница, в которой один лифт. Этот лифт купило СП и поднимает на нем только иностранцев и только на пятый этаж, где они живут. А женщины с чемоданами и детьми вынуждены идти пешком. Даже если бы СП тратило эти деньги на больных детей, тот моральный ущерб, который они наносят своим согражданам, все равно перевешивает. Если так будет продолжаться — бунт неизбежен, и никакая молодежь Кремль уже не защитит. Поэтому некогда пожинать плоды побед — маячит катастрофа, и пострашнее, чем вчера.

Уже больше года Говорухин снимает новый фильм под рабочим названием «Россия». В его кабинете на «Мосфильме» развешан материал:

Москва. Кузнецкий мост. Начало XX века.

говорит секретарь Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Знамя» Григорий БАКЛАНОВ, размышляя о неожиданных последствиях путча для писательской организации

для восхваления строя, который в войну едва не привел страну к гибели. Спасая Отечество, спасли и систему. А после войны началось то же самое: аресты, мракобесные кампании. И писатели сыграли в них очень большую роль. Отрицательную.

— На VIII съезде писателей в 1986 году, когда перестройка лишь начиналась, вы назвали Союз писателей министерством с министерскими нравами. С тех пор ничего не изменилось?

— Вроде бы частично обновили руководство, но вершил дела так называемый рабочий секретариат, люди, ничего в литературе не значащие, решали, кого печатать, кого нет, манипулировали голосами на выборах.

— И вы, что же, все пустили на самотек, устранились?

— Наше противодействие выразилось вот в чем: понял, что в этой структуре ничего изменить нельзя, мы стали отделяться от союза. «Знамя» и другие журналы объявили о независимости, вокруг них сосредоточивалась литературная жизнь, группировались писатели, близкие им по убеждениям. Но медленно начались преследования со стороны СП. «Знамя» восемь месяцев вело эти тяжбы, пока суд не признал нашу правоту. Когда объявила о независимости «Литературная газета», у нее отняли издательство. Так что в руках СП были очень сильные рычаги.

— Борьба СП за журналы (памятка еще история с «Октябрем») ставила во главу угла, видимо, одну цель — заполнить их «своими» людьми и «своей» литературой?

— Безусловно. Вчетвером руководители СП во главе с бывшим первым секретарем Карповым организовали газету «День», выразившую мнение неудавшихся заговорщиков, и поставили на ней гриф Союза писателей. Первый номер издали еще до регистрации, нару-

шив закон. Для них вообще закона не существовало.

— Нет, не виноваты ли сами писатели, своей пассивностью дав возможность руководителям СП скомпрометировать союз?

— Конечно, виноваты. На недавнем московском собрании пришли все. А обычно интеллигенция рассуждает как: я с этой грязью дела иметь не буду. «Патриоты» же приходят стройными рядами, ведут клакеры, те занимают первые ряды, кричат, топая ногами. Приличный человек избегает таких собраний, а без них неприлично подтасовывают голоса, делают что угодно. IX съезд готовил СП РСФСР, на нем должен был произойти полный захват власти.

— Но сегодня, надо полагать, не их день.

— Дни очень тревожные, еще ничего не решилось. Как в масштабах страны, так и у писателей. Судьбу союза никто единолично определять не должен. Я думаю, что нам прежде всего нужен Литфонд, чтобы выжить в суровые времена: он способен вести коммерческую деятельность и поддерживать писателей. У нас их 10 тысяч. Подавляющему большинству просто внушили, что они писатели, их подкармливали, набирая для голосов. Многие принесли бы куда больше пользы, работая в музеях, например, или в школе. А в свободное время — пиши. Но есть люди немощные, старые, больные. Без Литфонда не обойтись.

— А без союза?

— Такой союз, как сегодня, абсо-

лютно не нужен. Должна быть творческая организация, своего рода клуб. Одно дело — Москва или Ленинград, другое — провинциальный маленький город, писатель там не должен быть оторван от коллег. Мы сейчас говорим об экономическом пространстве, независимо от того, чем станет наша страна — конфедерацией или союзом государств. Столь же необходимо и пространство духовное.

— Но только для желающих?

— Разумеется. Вольному — воля. Судьба СП еще не решена, но если он сохранится, нет ли у вас опасения, что со временем он рискует превратиться в новую бюрократическую систему, но с передовыми руководителями, которые захотят диктовать свою волю ретроградом?

— Избави Бог, чтобы так вышло, избави Бог. Всю систему нужно строить заново. Прежняя, окаменевшая, была создана, чтобы проводить решения единого центра. Для этого насаждались функционеры из ЦК или КГБ, из последней организации у нас очень много людей. Кстати, чрезвычайный пленум потребовал от В. Бакатина убрать штатных и нештатных сотрудников КГБ из аппарата Союза писателей.

По своей структуре СП пока ничем не отличается от других союзов. Однако, помимо структур, и люди должны меняться, тем более после пережитого нами нравственного потрясения. Сейчас говорят: мы должны быть милосердными. Но к злу милосердным быть нельзя. Люди, которые уродовали умы и души, должны быть судимы нравственным судом. Необходимо моральное оздоровление общества, и интеллигенции в том числе. Вина ее в случившемся немалая. Не будем забывать, что всякому делу предшествует слово.

Беседу вел
Нина АГИШЕВА.

В НАЧАЛЕ ДЕЛА БЫЛО СЛОВО,

Ушел в бесславное прошлое писательского союза и день 20 августа, когда собравшиеся втайне рабочие секретари (ныне бывшие) хоть и поостереглись открыто выступить в поддержку ГКЧП, но не решились и осудить его. Стихийно собравшийся вскоре расширенный секретариат изгнал коллаборационистов, а собрание московских писателей одобрило его действия.

После провалившегося заговора даже СП РСФСР поспешил присягнуть на верность российскому президенту, хотя устами своих наиболее красноречивых ораторов не преминул обозвать защитников «Белого дома» «полупьяными баррикадами», а демократов — террористами, замышляющими очередные козни против «патриотов». Но самый крупный бой противникам «патриотов» решили дать на чрезвычайном пленуме Союза писателей: объявив о выходе СП РСФСР из большого союза, под призывный клич «Россия, на выход!» они покинули зал. Шестые замыкал Юрий Бондарев.

Однако самое удивительное на этом пленуме случилось после театрального ухода «патриотов». Василий Белов, а следом за ним Станислав Куняев во всеулышание оповестили собрание, что они готовы сию минуту поставить свои подписи под «Словом к народу», которое незадолго до путча требовало чрезвычайных мер.

— Все это не случайно, — комментирует Григорий Бакланов. — В начале дела было слово.

— Все это не случайно, — комментирует Григорий Бакланов. — В начале дела было слово. Не только «Слово к народу», которое вместе с нынешними подследственными генералом Варениковым, Тизяковым и Стародубцевым подписали литераторы Бондарев, Проханов, Распутин. Примерно в том же составе они поставили свои подписи под пресловутым письмом 53-х к М. С. Горбачеву, где также призывали ввести чрезвычайные меры. Это не сегодня у них выплеснулось. На протяжении последнего времени прохановская газета «День», «Литературная Россия», «Московский литератор», журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» обеспечивали своего рода идеологическую подготовку заговора — нагнетали атмосферу массового психоза, паники в гибнущей стране, которую спасут только чрезвычайные меры.

— Главный редактор «Нашего

современника» Станислав Куняев в отчаянии даже изложил эту мысль в стихах: «Упаси нас, ЦК и Лубянка, а иначе никто не спасет». — Вот они и спасали. У меня нет данных, чтобы говорить об участии этих писателей в заговоре, я лишь подчеркиваю: в начале позорного дела было слово, сеявшее ненависть. Пусть пишут дальше, но занимать руководящие должности в СП они не имеют права.

— Но как могло случиться, что писательская организация, призванная просветлять людские души, оказалась наиболее темной и реакционной из творческих союзов?

— Исторически сложилось так, что в России литература значила гораздо больше, чем приятное чтение, — она была философией, политикой, буквально всем. Поэтому в 1932 году была задумана и позже проведена коллективизация писателей, необходимая для их оподления,

Беседу вел
Ольга МАРТЫНЕНКО.

В президента стрелял сумасшедший

К такому выводу пришли психиатры, обследовавшие на вменяемость Александра Шмонова. 7 ноября 1990 года он совершил попытку покушения на Михаила Горбачева.

Впрочем, к решению пришли лишь со второго захода. Мнения членов первой комиссии разделились: пятеро настаивали на диагнозе «шизофрения», двое утверждали — Шмонов способен отвечать за свои поступки.

Как сообщил корреспонденту «МН» следователь Комитета государственной безопасности СССР полковник Петр Соколов, Шмонов задумал теракт еще в 1987 году. Тогда же записался на курсы колпинского межрегионального общества охотников и рыболовов. На выпускных экзаменах по стрельбе из 15 выпущенных тарелок выбил 8.

В октябре прошлого года Шмонов купил в комиссионном магазине немецкое охотничье ружье «X — Кессель» 16-го калибра, с которым мотался и на медведя. Заплатил за него 100 рублей.

Преступник готовился к покушению просто-таки с маниакальной методичностью. Кажется, он наперед просчитал все мыслимые и немыслимые ситуации, в которые мог попасть. К примеру, за несколько месяцев до инцидента на Красной площади несостоявшийся террорист подготовил письмо-ультиматум Горбачеву и несколько листовок, начинающихся словами: «Дамы и господа, прошу вас убивать руководителей СССР». Напечатал их на машинке «Любава». После чего напильником затер на ней все литеры и закопал ее. Взамен же приобрел пишмашинку «Москва» — мол, такая у меня всегда и стояла. Любопытно и то, как расклеивал Шмонов листовки в Москве:

ночью, в парике, в перчатках.

В Москву Александр прибыл 6 ноября 1990 года. Лишь накануне он решился отпилить приклад у своего ружья — для удобства его маскировки: все боялся, что придет участковый и попросит предъявить оружие. Для обреза Шмонов смастерил специальный чехол, который с помощью ремней крепил на теле. Чтобы оружие сильно не выпирало, Александр прикрывал его резиновым ковриком, пришитым к костюму. И уж поверх всей этой конструкции он надевал длинное пальто и шарф. В этой амуниции Шмонов выглядел довольно-таки забавно. Понимая это, прямо на пиджак преступник нашел несколько бинтов. «А вдруг подошел бы милиционер? — поясняет Александр. — Спросил бы, что там у меня? Я бы расстегнул пуговицу пальто и показал на бинты — мол, бандаж у меня, после операции».

Были и другие маленькие хитрости у Шмонова. Скажем, он спилит мушку на ружье, чтобы случай не зацепилась за одежду. Продумал, как вытащить ствол на Красной площади, не привлекая внимания: доставал из кармана пальто носовой платок, высмаркивался и якобы клал его за пазуху — сам же моментально хватался за рукоять обреза. Предусмотрел Шмонов и вовсе невероятный момент: вдруг специальной аппаратурой у него засекут металл как в аэропорту на контроле? На этот случай смастерил плакат «Поддерживаем демократию» и водрузил его на массивный металлический штырь. Если что — дескать, он-то и фонит.

И все же, как известно, столь тщательно спланированная операция провалилась. «Слишком долго метился, — сетует Шмонов. — Хотел выстрелить наверняка, в голову. Ведь на Горбачеве мог быть бронежилет». Ну а сам обрез Александр извлек довольно-таки быстро — за секунд 12. В 11.08 прозвучал выстрел, затем второй, но оба в воздух. Руку террориста перехватил милиционер. Не случись этого... В стволы ружья Шмонов загнал две пули — Полева и «Спутник». Убойная сила одной — 1060 метров, другой — 915. Президента и стрелявшего разделяло всего 52 метра.

Почему же Шмонов своей мишенью выбрал Горбачева? Не давали жить спокойно лавры Герострата? «Да нет, — говорит Соколов. — Шмонов к славе не стремился. Он хотел показать, что в стране есть люди, способные ради демократии принести в жертву свою жизнь».

Итак, хотя в действиях Шмонова прослеживается четкая логика, он признан невменяемым. Впрочем, еще в 1978 году Александр находился на лечении в ленинградской психиатрической больнице № 6: его мучили страхи — боялся отравиться газом. Поступил туда с диагнозом шизоофренический психоз. Выписался через месяц с резолюцией: органическое заболевание головного мозга. К счастью, невменяемыми были признаны и два других террориста — Кабахидзе и Кайрис. Они порознь готовили свои акции к Первомайской демонстрации на Красной площади: один планировал стрелять в Горбачева, другой — взорвать себя и как можно больше манифестантов. Было это в 1987 году. По информации «МН», курс лечения обоих террористов уже закончился и они находятся на свободе.

Суд над Шмоновым, судя по всему, состоится в сентябре. Едва ли юристы потребуют еще одной экспертизы. Тогда Шмонову предстоит поездка в одну из 11 психиатрических клиник со строгим наблюдением. Скорее всего в Сычевскую больницу в Смоленской области.

Игорь БАРАНОВСКИЙ.

Пока господами остаются товарищи

В этом есть некоторое стилистическое безумие: двуглавый, правда, без корон, февральский орел у входа в «Белый дом», трехцветный российский флаг в небе, идея возрождения Георгиевского креста — и устойчивое обращение друг к другу партизанских, деидеологизированных и демократизированных депутатов: «Товарищи депутаты!.. Товарищи!»

Партийное слово вошло в плоть и кровь.

И мне кажется, если в самом начале было партийное слово, нечего удивляться, что за ним следует партийное дело.

Перво-наперво кинулись крушить.

Мне без Дзержинского, Свердлова, Калинина и прочих не скучно. Люди это все были плохие, даже очень, памятники им были уродливые. Но видеть изувеченный постамент на площади — с души воротит. Что, не хватало у нашей городской власти предусмотрительности окружить идола забором, подогнать технику, дать рабочих — и оставить чистое место не на потеху и поругание толпе, а для мирных прогулок и свиданий? С техникой напряженно, но ведь все равно пришлось в конце концов выдвигать...

Теперь с ужасом думаю о носящемся в той же толпе импульсе осквернения праха. А ну как на Красную площадь кинутся? И разграбят там сцену из абуладзевского «Покаяния», не символический киноэпизод, а настоящий кошмар. Может, стоит предусмотреть? Чехи, болгары, кажется, и монголы не дожидались, чтобы толпа разматала труп, все сделали по-людски. И коммунисты достойно проводили товарища Димитрова наконец в последний путь.

Ну почему у нас и сегодня все делается через то же, через что делалось всегда?

Я боюсь, что если умный Бакатин

даже воспрепятствует немедленному открытию архивов Лубянки, то в областях все равно найдутся неустойчивые энтузиасты выяснения всеобщей подноготной.

Незадолго до того как был написан «Невозвращенец», вокруг меня ходили два скромных молодых человека. Они вызывали меня в отдел кадров и подолгу объясняли, в чем состоит долг настоящего советского человека. Кончилось это тем, что я написал свою скандальную повесть, где изобразил габистскую вербовку в чуть гротескном виде, но портреты искусителей воспроизвел и даже имена частично сохранил. Повесть давно опубликована, и доложить по начальству, что я готов стучать, моим знакомцам было невозможно.

Ну а не будь я литератором? Кто бы им помешал, чтобы рапортовать об успехе, отказ мой выдать за согласие? Думаю, что таких «мертвых душ» — как раз из сохранивших свои души — в тех проклятых архивах полно. Ведомство было обычное, советское, показуха и приписки наверняка процветали. Как же теперь будет?

А мы все орем — открыть архивы! Выявить примазавшихся!..

Бог с вами, господа, бросьте. Примазываются — и хорошо. Ведь к нам же примазываются, а не к ним. Примазываются всегда к сильным и перспективным. Примазываются — значит будущее за нами. А уж это наша забота, чтобы при демократии было всем хорошо, а не только демократам первой категории с подпольным стажем.

Иначе опять кто был ничем — станет всем. А из того, кто был — и согласен, что был — ничем, ничего и не получится. Максимум — товарищи. Товарищи по своему несчастью.

А хотелось бы стать господами. Господами своей жизни.

Александр КАБАКОВ.

КАЧЕСТВО НОВЕЙШЕГО ЭЛЕКТРОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ ВСЕГДА ВЫШЕ, ЧЕМ ЦЕНЫ НА НЕГО,

ЕСЛИ ВЫ ПОКУПАЕТЕ КОМПЬЮТЕРЫ И ОРГТЕХНИКУ

У ОБЪЕДИНЕНИЯ "МММ".

ПОЗВОНИВ ПО МОСКОВСКИМ ТЕЛЕФОНАМ
173-44-15, 171-13-81,
171-03-97, 171-06-90,

вы сможете приобрести товары из Японии, Южной Кореи, США и Западной Европы:
- компьютеры, совместимые с IBM PC AT/XT
- лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры, стриммеры
- автоответчики, телефаксы, ксероксы, телефоны, электронные записные книжки, бухгалтерские калькуляторы, мини-компьютеры.

ТОЛЬКО У «МММ»:

- ЗА РУБЛИ
- БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ
- САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ
- ПОСТАВКА СО СКЛАДА В МОСКВЕ ИЛИ БЛИЖАЙШЕГО ФИЛИАЛА.

Внимание! «МММ» ищет партнеров. Мы готовы открыть новые филиалы. Самые выгодные условия. За дополнительной информацией обращаться в письменном виде по адресу:

109518, г.Москва, ул.Газгольдерная, 10.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

Двенадцать лет назад, 11 августа, над городом Днепродзержинском «не заметили» друг друга на высоте 8400 метров два самолета Аэрофлота Ту-134А. 178 человек летели в столнувшихся и мгновенно развалившихся машинах...

АВИАКАТАСТРОФЫ в те времена у нас словно бы и не происходили. Не замечались лишь те из них, в которых гибли иностранцы. На бортах № 65816 (Ташкент — Гурьев — Донецк — Минск) и № 65735 (Челябинск — Кишинев) находились только советские граждане. Как обычно, «держатели информации» предприняли попытку спрятать событие. Однако на сей раз им не удалось это сделать. В списках погибших пассажиров были семнадцать игроков и тренеры футбольной команды высшей лиги «Пахтакор» (Ташкент), летевших на очередной матч чемпионата страны с минскими динамовцами. Сделать вид, будто ничего не произошло, было невозможно: как объяснить исчезновение целой команды?

«Пахтакор» разбился в субботу. В воскресенье на матче в Лужниках между «Спартак» и «Торпедо» об этом знали все. Но упаси Боже было директору стадиона объявить минутой молчания или же комментатору сказать о трагедии в телерепортаже; официальных сообщений не было.

Не было их и в понедельник. Телефоны спортивной редакции ТАСС, в которой я тогда работал, надрывались от звонков иностранных корреспондентов. Коллеги просили уточнить, насколько верна полученная ими окольными путями информация о том, что не стало футбольной команды. Работники редакции в полном соответствии со строжайшим указанием руководства агентства либо молчали, как партизаны на допросе, либо делились «сведениями» о том, что матч минских динамовцев и «Пахтакора» перенесен на более поздний срок.

Во вторник узбекские, белорусские и молдавские газеты опубликовали от имени республиканских ЦК и Советов Министров соболезнования семьям погибших в авиакатастрофе. Тексты идентичные. В ташкентском было добавлено, что среди погибших — «ряд членов футбольной команды мастеров высшей лиги «Пахтакор». Тасовская служба новостей по-прежнему молчала. Заговорила она (лишь для зарубежных клиентов) в среду, после того как за границей стало известно содержание опубликованного «Правдой Востока» соболезнования, и они принялись сообщать об этом на весь мир. В моем архиве хранятся девятнадцать телеграмм Рейтер, ЮПИ, Франс Пресс и АП о катастрофе, переданных за один только день 15 августа. Первая информация в нашей центральной печати («Советский спорт») датирована 18 августа — с момента гибели команды прошла неделя: спортивная газета поместила тасовскую заметку о состоявшихся в Ташкенте похоронах.

В Спорткомитет и Федерацию футбола стали приходить телеграммы от зарубежных федераций и клубов с соболезнованиями и предложениями провести матчи, сбор от которых поступил бы семьям погибших. На них не отвечали.

Футбольному миру известно несколько «громких» катастроф. В 1949 году самолет с лучшей итальянской командой «Торино» при полете к Турину врезался в собор. Погибли все.

В 1958 году в Мюнхене при взлете после дозаправки «клянул» носом землю лайнер «Элизабет-609», на котором с белградского матча за Кубок европейских чемпионов возвращалась домой английская команда «Манчестер юнайтед». Погибли почти все тренеры и игроки, в том числе Дункан Эдвардс, которого называли тогда самым талантливым футболистом Британских островов. Чудом остались в живых тренер Мэтт Басби и ставший впоследствии знаменитым полузащитником сборной Англии Бобби Чарльтон.

В 1961 году над Андами погибли 24 футболиста чилийской команды «Грин кросс». Спустя восемь лет самолет, на котором летел боливийский клуб «Стронгест», врезался в гору. В 1987 году его судьбу разделила перуанская команда «Альянс». На следующий день после катастроф все газеты сообщали о них. Мир соболезновал. Благо-

Звезды «Пахтакора» 70-х: Владимир Федоров, Михаил Ан и Василий Хадзипанагис. За полтора года до гибели команды Хадзипанагис уехал с родителями в Грецию.

Фото Владимира УЛЬЯНОВА.

ПРОСТИ, «ПАХТАКОР»!

От гибели футбольной команды сначала пытались отделаться молчанием, потом скупой информацией...

Творительные матчи проводились всегда.

Расследование катастрофы над Днепродзержинском давно, понятно, проведено. В авианадзорных документах бесстрастно зафиксирована вина диспетчера, сведших в тот день в 13 часов 35 минут 38 секунд два самолета в районе пересечения трасс Днепропетровск — Кременчуг и Магдалиновка — Днепродзержинск в точке с координатами 48°33'45" северной широты и 34°40'38" восточной долготы. Авиаторы считают, что столкновение на такой высоте — случай невероятный, застав диспетчера повторить, в девятностя попытках из ста он «промахнется». И если бы кто-то из членов экипажей самолетов поглядывал время от времени в окно кабины, то непременно заметил бы опасность.

К ПОЗДНИМ звонкам не привыкать. Этот, из Сочи, ошарашил. «Сегодня разбился команда. Все погибли. Представляешь, все! Федоров, Ан, Аширов, Макаров, Ишбутаев...» — сказал тренер «Пахтакора» Олег Базилевич и заплакал.

Жена киевлянина Базилевича настояла, чтобы он воспользовался коротким перерывом между играми и побывал у нее и сына в Сочи. Тренер не видел семью два месяца и вылетел к ней из Ташкента на несколько часов раньше, чем команда отправилась в Минск. Он надеялся появиться в белорусской столице в день матча дублеров. Звонок из Ташкента с сообщением о трагедии застал его в тот момент, когда он собирался в дорогу.

Ведущие игроки «Пахтакора» Туляган Исак и Анатолий Могильный получили накануне поездки травмы и в Минск не полетели. Капитан команды Михаил Ан тоже был травмирован, но врачи надеялись, что к игре его колено будет в порядке. Миша вообще не любил летать. Еще до взлета он застегивал ремни без опасения, крепко сжимал подлокотники кресла руками и закрывал глаза. Второй сын Ана родился спустя некоторое время после гибели футболиста.

Яков Аранович, один из тренеров команды, должен был лететь 11 августа, но семейные обстоятельства сложились таким образом, что он вынужден был отправиться в Минск днем раньше, с дублерами. В Минске он поехал в аэропорт встречать основной состав. Аэрофлотов-

ские служащие выдали тогда полный набор причин отсутствия ташкентского рейса, от «по метеословиям» до «в связи с поздним прилетом», а потом вообще перестали что-либо говорить. Матч дубля, естественно, не состоялся. Некоторые из резервистов наотрез отказывались возвращаться домой самолетом.

С дублерами должен был лететь в Минск новичок команды из Самарканда, вчерашний школьник Сирожиддин Базаров. Он попросил разрешения задержаться на сутки и попал в тот самолет.

ПРЕДЧУВСТВИЕ... Администратор команды Мансур Талибджанов сделал то, чего он никогда не делал раньше: перед вылетом оставил полный список всех своих кредиторов. Футболист Виктор Чуркин, который, как рассказывают, раньше и гвоздь в доме не вбил, накануне поездки в Минск своими руками все в квартире привел в порядок. Владимир Федоров, звезда «Пахтакора», расстроился, когда дома ему приготовили к полету черную рубашку.

ФУТБОЛИСТЫ, приехавшие играть за «Пахтакор» взамен погибших, познакомились друг с другом в раздевалках стадионов накануне матчей. Нуриддин Амриев из Душанбе, москвичи Валерий Глушаков, Анатолий Соловьев, Михаил Бондарев, Андрей Якубик, Зураб Церетели из Кутаиси, Петр Василевский из Минска, Владимир Нечаев из Одессы... Первый матч новый «Пахтакор» играл в Ереване двенадцать дней спустя после трагедии и проиграл. Второй выиграл в Ташкенте у тбилисского «Динамо». Лидера «Аралата» Хорена Оганесяна все время преследовала мысль, что он играет против команды, которой нет. Ведущий игрок тбилисцев Давид Кипиани рассказывал, что об игре он не думал ни до нее, ни во время, ни после.

Почему бросили тогда «легионеры» свои клубы и помчались в Ташкент? Пожалуй, сегодняшнее поколение футболистов, мечтающих только о западных клубах (не осуждаю их за это ни в коем случае), и не поймет такого выражения — душевный порыв, но все, кто откликнулся на клич попавшего в беду «Пахтакора», руководствовались только этим. Никого не неволили, все — добровольно. Разумеется, в Ташкенте им платили деньги, и немалые. Но сначала был порыв души. В Ташкенте с

благодарностью вспоминают это до сих пор.

Андрей Якубик стал любимцем местной публики. Он доиграл до конца 1979 года, вернулся в московское «Динамо», получил травму, после лечения фактически стал ненужным команде, за которую играл 12 лет, из которой призывался в сборную, и вновь оказался в Ташкенте. Его выбрали капитаном команды, в составе «Пахтакора» Якубик стал лучшим бомбардиром чемпионата страны и забил большую часть мячей, позволивших ему войти в символический клуб футбольных снайперов — «Клуб Григория Федотова». Когда Андрей появился на улицах Ташкента, то десятки раз слышал одну и ту же фразу: «Мархамат келин, Якубджон, чой ичамиз?», означавшую, что его в знак уважения приглашают посидеть, попить чаю.

ТУРНИРНАЯ таблица, как остановившиеся часы, зафиксировала «Пахтакор», который никогда больше не вышел на поле, на восьмом месте. В конце сезона команда опустилась на строчку ниже. Уехал в Москву, в ЦСКА, Базилевич. Его решение можно было понять: тренер имел обязательства перед армейским клубом и в «Пахтакор» пришел только до конца сезона. Но вряд ли в той ситуации следование обязательствам было оправданным. Эмоциональные узбекские болельщики не простили Базилевичу уход. Приезжая в Ташкент с ЦСКА, он слышал только свист. В 1980 году «Пахтакор» разгромил армейцев 3:0.

Создать новую команду попытался следующий тренер, москвич Сергей Мосягина, но два обстоятельства помешали ему сделать это: желание партийных и спортивных руководителей немедленно добиться хорошего результата, «сотворить чудо», и, как это ни парадоксально, решение Спорткомитета СССР о том, что «Пахтакор» независимо от турнирного положения сохраняется место в высшей лиге в течение трех лет. Желание властей было невыполнимо, потому что невозможно в сжатые до предела сроки просмотреть всех стоящих игроков республики и выбрать из них самых лучших. От Мосягина требовали привлечения в команду все новых и новых ведущих футболистов из других клубов страны, а после первой волны энтузиастов второй не последовало. Решение же Спорткомитета, с одной стороны, облегало жизнь «Пахтакору», но с другой — пагубно влияло на ряд футболистов, которые в отдельных матчах больше были заинтересованы в победе соперников, нежели в собственном успехе.

Об этом же говорит заменивший Мосягина львовянин Иштван Секеч: «Некоторые игроки решили использовать в личных целях льготу, предоставленную «Пахтакору». Наживали на этом сомнительный капитал и некоторые клубы». В переводе с дипломатического тренерского языка это означает, что нашлись в «Пахтакоре» футболисты, которые, помня, что вылет в первую лигу не грозит, шли навстречу просьбам соперников и помогали им делать необходимый результат в матче. Секечу пришлось пойти на «хирургическое вмешательство» и некоторых игроков отчислить. В 1982 «Пахтакор» повторил свой успех двадцатилетней давности и занял лучшее в истории клуба шестое место в чемпионате.

БОЛЕЕ миллиона человек хоронили «Пахтакор». В семнадцати наглухо закрытых гробах — останки футболистов Михаила Ана, Владимира Федорова, Алыма Аширова, Сергея Покилова, Равиля Агишева, Николая Куликова, Александра Корченева, Юрия Загуменных, Владимира Макарова, Константина Баканова, Виктора Чуркина, Шухрата Ишбутаева, Владимира Сабирова, Сирожиддина Базарова, второго тренера Идгая Тазетдинова, врача команды Владимира Чумакова, администратора Мансура Талибджанова. Мне неизвестно, как отнеслись к семьям остальных пассажиров, разбившихся в украинском небе лайнеров. Что же касается «Пахтакора», то по распоряжению тогдашнего руководителя Узбекистана Шахрафа Рашидова именами погибших назвали улицы в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и Навои, семьям определили пенсии, всем нуждавшимся выдали ордера на новые квартиры.

В столице Узбекистана два памятника погибшим, возле них постоянно цветы, фрукты. Ежегодно проводится республиканский турнир памяти команды. В день финала, 11 августа, на стадионе «Пахтакор» собираются тысячи болельщиков, зажигают свечи.

Ташкентский журналист Эдуард Аванесов подготовил к печати книгу «Крылья памяти» (о футбольных авиакатастрофах) и три года уже пытается «пробить» свою идею о проведении ежегодных международных турниров среди команд, предшественники которых погибли в полетах. В Турине, Манчестере, Ташкенте...

Александр ГОРБУНОВ, спортивный обозреватель «МН».

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для русского издания «МН» на территории Южной Кореи International Media Services Co. тел. (02) 718 9554/5 факс: (02) 718 9553 телекс 25027 IMSCO K

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2
Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-49 и 202-85-52 (отдел писем), 209-05-60 (сектор рекламы).

Общий тираж газеты 1 738 565
Подписано в печать 3 сентября 1991 года.
Заказ № 3197.

ИНДЕКС 50080

© «Московские новости»
Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «МН» обязательна.

По вопросам подписки и розничного распространения на территории США и Канады обращаться по адресу: MN Subscription Department P. O. Box 429 Vineland, N. J., 08360 USA тел: + 1 (212) 362 4762